Т-34. Выход с боем

Автор:
Александр Лысёв

Т-34. Выход с боем

Александр Владимирович Лысёв

Война. Штрафбат. Они сражались за Родину

Февраль 1944 года. После ожесточенного боя с немецкими «Пантерами» советские танкисты попадают во вражеский плен.

После нескольких попыток побега капитана Терцева и его мехвода Ветлугина переводят в лагерь, обслуживающий полигон, где немцы учат своих артиллеристов поражать советские танки. За капитаном ведется строжайший надзор – его ни на минуту не оставляют без присмотра. Но в голове Терцева рождается план дерзкого побега. Он с Ветлугиным угоняет Т-34 прямо из-под огня врага.

Удастся ли нашим танкистам прорваться к своим из глубокого немецкого тыла? И кто из них поставит победную точку в противостоянии с фашистскими танковыми асами, расписавшись на стене поверженного Рейхстага?

Александр Лысёв

Т-34. Выход с боем

© Лысёв А.В., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

1

Утреннее февральское солнце осветило хутор, небольшое озеро и синеватые верхушки деревьев, еще покрытые коркой инея. Снег заискрился множеством разноцветных огоньков. Солнечные лучи падали на уже некрепкий лед озера, и вода, появлявшаяся у берегов вместо талого снега, ярко блестела. Вокруг полыньи, проделанной еще в январе, темнело по всей окружности большое пятно талого снега и подтаявшего льда. Тропинка, проложенная зимой через озеро, теперь тоже превратилась в темную мутную полосу. Вокруг лежали просевшие, ноздреватые сугробы. В лесу появились первые проталины, под которыми желтела прошлогодняя трава. Ночные заморозки уже ничего не могли сделать в этих краях с освобождающейся из-под снежного покрова землей. Приближение весны чувствовалось все явственнее. В воздухе носились и громко перекликались между собой удачно перезимовавшие птицы, оставшиеся здесь осенью. А на хозяйском дворе, лохматые и взъерошенные, чирикали и плескались в предвесенних лужах воробьи, старавшиеся все время держаться как можно ближе к человеческому жилью.

Стояла середина февраля 1944 года. Совсем скоро должна была вступить в свои права бурная украинская весна днепровского правобережья. А пока оттепели чередовались с заморозками. Дороги то превращались в непролазное месиво, то вновь покрывались за ночь твердым панцирем из раскатанной грязи вперемешку с ледяным настом. Лишь только ударял мороз, как все тут же приходило в движение – по одну сторону линии фронта, пользуясь любой возможностью перемещения, с надрывным гулом, издалека похожим то на всхлипывания, то на завывания, катились панцеры, как их называли там. И то же самое повторялось по другую сторону – грохоча дизелями и расшвыривая во все стороны комья земли, молотили траками танки. К полудню солнце осаживало остатки грязного снега в размягченный чернозем дорог-направлений. И тогда любая техника, не успевшая за утренние часы добраться до пункта назначения или просто отползти в лес, безнадежно вязла – по крыши, по борта, а то и по башни. Если ее не уничтожал противник днем, за ночь ее либо вытаскивали, либо бросали, отчаявшись. Третью неделю шло упорное сражение в районе Корсуня.

Капитан Терцев обнаружил себя лежащим на прелом сене. Пахло сыростью и мышами. Дверь наружу была открыта, но ее проем загораживали две планки и верхние ступеньки приставной лестницы. Сквозь них виднелся клочок бездонного неба, поражавшего своей чистотой и синевой. Вот лестница поползла вниз, остановилась, заскрипели ступеньки, и через мгновение дверной проем загородила чья-то фигура. Прошуршали осторожные шаги, тихонько брякнуло металлическим звоном, и перед Терцевым обрисовалось настороженное лицо сержанта Ветлугина, механика-водителя одной из машин их танковой роты.

– Очнулись, товарищ капитан? – склонился ближе Ветлугин.

– Где мы? – тихо, но внятно спросил Терцев, пытаясь приподняться на локте. Все тело нещадно ломило, а голова будто раскалывалась на тысячи кусков одновременно.

– Лучше лежите. – Ветлугин осторожно уложил капитана обратно.

– Где мы, Ветлугин? – повторил свой вопрос Терцев.

– На чердаке, – просто ответил сержант. – В сарае.

– Это я догадался, что на чердаке, – попытался усмехнуться, но вместо этого лишь болезненно поморщился Терцев, опять делая попытку приподняться. – Что за дом, куда попали?

– Уж попали… – неопределенно утер нос Ветлугин. И посмотрел на Терцева, теперь уже пристально и недоверчиво: – Что, вообще ничего не помните?

– Дай воды, – вместо ответа проговорил Терцев, разглядев в сумраке, царившем в глубине чердака, блеснувший в руках сержанта котелок с водой.

– Вам и принес, – ухмыльнулся краешком рта Ветлугин, осторожно приподнимая голову Терцева и поднося к его губам край котелка.

Сделав несколько глотков, Терцев подбородком оттолкнул котелок. Перед глазами плыли красные круги, в голове бродили какие-то картины

воспоминаний, никак не желавшие становиться связанными. Зато где-то внутри крепло очень нехорошее ощущение. И происходило оно отнюдь не из-за физического самочувствия.

– Ну что? – буквально просверлил очередным взглядом Ветлугина капитан.

Ветлугин повертел головой, поскреб растопыренными пальцами стриженый затылок и быстро выпалил, глядя в другую сторону:

– В плену мы…

– Вот… – буквально выдохнул крепкое русское словечко из пяти букв Терцев и откинулся на спину. И настолько это было уместно, созвучно их ситуации и настроению, что Ветлугин только пожал плечами и подпер щеку ладонью. Попытался пошутить:

– Ну да, собственно, вот и вся история…

Нет, не вся. Терцев закрыл глаза и усилием воли заставил себя вспоминать.

…Лязг, грохот разрывов, пулеметная пальба, и вдруг этот страшный удар, а потом взрыв… Стоп! А что было до этого? Было до этого…

Терцев напрягал свою память, ища ответа.

…Что было до этого? Не помню… Небо, где-то он уже это видел. Небо и… что же там еще было? Ах да – снег, как же он мог забыть. Небо и снег. Он видел это через смотровые щели танка. Бескрайнее снежное поле до самого горизонта. Так, по крайней мере, ему казалось. И небо вдали, такое же синее, как сейчас. И немецкие танки, ползущие по этому снежному полю прямо на него. Так… Что же дальше? Что потом? Потом сигнал к атаке, этот громкий лязг гусениц, давно ставший привычным, вибрация башни… Он видел сквозь смотровые щели то небо, то снег. Потом стрельба, бой. Он что-то командовал, его экипаж тоже стрелял. Потом у них заклинило башню… Нет, это позже. А до этого? Он точно помнил, что они подбили один танк – сам четко видел, как тот загорелся. Вот после этого у них заклинило башню. И что-то еще очень важное произошло. Что же?.. Важное-важное… Рация! Точно! Вышла из строя рация, и он не смог

переговариваться с другими машинами. Ведь он командир танковой роты. Хорошо, что дальше? Дальше-то что?.. Кажется, еще один удар, взрыв, машина загорелась, и тут… Нет, позже. Это позже… А тогда убило механика-водителя со стрелком-радистом. И дым. Полная башня тошнотворного, удушливого дыма. Он разъедал глаза, Терцев исступленно кашлял. Что-то истошно кричал заряжающий. Удивительно, что уцелели они – чаще бывает наоборот. Потом… Как же он оказался на сиденье механика-водителя? Не помню… Этого он не помнил. А затем открыл передний люк. Навстречу в лицо метнулся с порывом ветра колючий холод. Терцев тянул рычаги, крутил машину из стороны в сторону, пытаясь сбить пламя наверху. Ничего не выходило. Зато он увидел, что на их вертящуюся «тридцатьчетверку» полным ходом идет с небольшого взгорка немецкая самоходка. Натренированным взглядом капитан моментально опознал низкий силуэт «штуга» и тут же сообразил, что противнику не хватает расстояния и угла наклона, чтобы стрелять. По стремительному сближению Терцев скорее даже не понял, а спинным мозгом ощутил – германец решил идти на таран. Терцев зажал правую гусеницу, их танк развернуло. Прямо перед глазами возник белый крест на черной броне и чужой бортовой номер. Какой же там был номер? Ах, впрочем, к чему он сейчас… Дальше? Дальше все это мгновенно приблизилось, в последний момент он еще раз увидел этот крест из четырех прямых углов, и вот потом этот страшный удар. Что потом – как ни старался, он припомнить не мог.

Около суток назад ночью танковая рота капитана Терцева разметала немецкую колонну. Накануне с вечера крепко подморозило. Их Т-34—76, пополнив боекомплекты и залив полные баки зимнего дизельного топлива, разбавленного ввиду низких ночных минусовых температур тракторным керосином, изготовились к ночному рейду. Ситуация сложилась на их участке фронта довольно своеобразная. Собственно, участка как такового не существовало. Окруженная в ходе Корсунь-Шевченковской наступательной операции немецкая группировка отчаянно сопротивлялась. Внешний фронт ушел далеко на запад. Бригада, в которой служил Терцев с товарищами, держала внутренний фронт окружения. Этот фронт не существовал в качестве привычной оборонительной линии. Он постоянно двигался, менял конфигурацию, то создавая очаги ожесточенного сопротивления, то открывая большие, ничем не прикрытые бреши. Везде шли маневренные столкновения.

В ходе начавшегося в конце января 1944 года наступления 1-го и 2-го Украинских фронтов после упорных встречных боев была окружена значительная группировка противника, по разным оценкам, насчитывавшая от сорока до шестидесяти тысяч человек. В том числе в котел угодили

подразделения 5-й танковой дивизии СС «Викинг» и 5-й добровольческой штурмовой бригады СС «Валлония». Руководство всей окруженной группировкой принял на себя командир немецкого XI армейского корпуса генерал Штеммерман. Противник сражался грамотно и упорно. Один за другим следовали согласованные удары, как со стороны внешнего фронта окружения, так и со стороны внутреннего. Брошенные в прорыв танки гвардейской 5-й танковой армии постоянно подвергались контратакам. Немцы не оставляли попыток отрезать советские подвижные соединения от своих тылов. Иногда это получалось, иногда нет. Обе стороны действовали смело и решительно. Советское командование ставило задачей ликвидацию окруженной группировки, мешавшей удержанием своих позиций на Днепре дальнейшему наступлению к Южному Бугу. Не менее амбициозную задачу преследовал и специалист по деблокирующим ударам, на тот момент командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн, прорывавший внешнее кольцо окружения. В планы немецкого командования входило не только вызволить Штеммермана, но и нанести решительное поражение советским войскам на всем южном участке советско-германского фронта. Игра шла по-крупному. Каждая из сторон была настроена решительно, уверена в своих силах и надеялась на полный успех.

За спиной у танкистов Терцева в последние дни остались десятки километров дорог Центральной Украины. Марши совершались главным образом в ночное время. Остались позади прорыв фронта в районе Оситняжки, встречные фланговые удары по ним с двух сторон частей 8-й германской армии от Ташлыка и Липянки. Затем был бросок на Толмач. Так и не дойдя до него, танки повернули севернее, на город Шполу. Город прошли совместно с 5-м гвардейским Донским казачьим кавалерийским корпусом генерала Селиванова. Расширяя прорыв, часть танков кинули вперед, в западном направлении на Звенигородку. А их опять развернули на север, в район Ольшаны, где образовался очаг ожесточенного сопротивления противника.

Ориентироваться было трудно. Грязь, темень, непрерывный рев в ночи своих и чужих двигателей со всех сторон. И промозглый дневной сон, тревожный и короткий. В который раз при свете карманного фонарика получивший очередную задачу капитан Терцев водил по карте пальцем. Ага, вот населенный пункт Ольшана, а вот речка с похожим названием – Ольшанка. Роту направляли вокруг города с задачей блокировать подходы к реке. Вдоль нее ожидался подход немецких танков со стороны котла на помощь обороняющимся в городе.

– Против нас «викинги», – доложили разведчики мотострелкового батальона. Накануне ими были замечены здесь эсэсовские танки. Как минимум всего около десятка. В основном «четверки», видели «пантеру», плюс самоходки. Сейчас расположились на дневку в лесу – по дорогам все равно не проехать в светлое время суток.

Присутствовавшие при постановке задачи командиры танковых экипажей настороженно переглянулись. После начала наступления их рота насчитывала всего пять машин: по две в первом и третьем взводах, одна во втором…

– Наплевать – умоем, – проговорил командир взвода старший лейтенант Малеев. И зло добавил: – Недочеловеки!

Малеев был известен в батальоне своими высказываниями, состоявшими из применяемой к противнику его же собственной идеологии. Даже удивительно, где и когда он успел с ней так подробно ознакомиться. Дежурно кивая на собраниях фразам об освобождении, которое несет Красная армия на своих штыках народам Европы и всему миру, старший лейтенант имел свое особое мнение о расовой неполноценности противника. И был непримирим в его отстаивании повсюду. Даже как-то получил замечание о том, что так рассуждать нельзя. Что не все немцы нацисты и что мы должны освободить от Гитлера в том числе и обманутый германский народ.

– Унтерменши! – презрительно бросил Малеев, выслушав замечание.

Вряд ли на такую трактовку событий Малеевым подействовали только статьи Ильи Эренбурга и карикатуры Кукрыниксов. Скорее вид родного села, которое ему довелось освобождать и где на окраине в большом амбаре были сожжены все жители, включая его семью. С тех пор старший лейтенант Малеев отличался в боях особой дерзостью и безрассудной, отчаянной смелостью. А еще, пожалуй, жестокостью. И крайним цинизмом в высказываниях. Не было ни одного случая, чтобы взвод Малеева приводил пленных. Противник мог быть оставлен им в покое только в одном виде – мертвом. Все это в батальоне отлично знали и с Малеевым не спорили. Причины такой патологической ненависти были всем ясны. Да, по большому счету, он был прав. Без всяких идеологических сглаживаний коротко и ясно рубил то, что было на душе у всех. Правда, замполита беспокоило, что идеологические аспекты в текущей войне Малеев заменял исключительно противостоянием славян и тевтонов. Считая последних исторически ниже и примитивнее первых. Как-то это попахивало панславизмом

для тех, кто был в курсе, о чем идет речь. Это не совсем укладывалось в официальную версию. Хотя, безусловно, имело под собой весомые основания и уж точно было полезно в разрезе текущего момента. Одним словом, Малеев воевал именно так, как было необходимо здесь и сейчас. И даже, пожалуй, более того. И это перекрывало собой все остальное. Об остальном придет время поговорить после войны…

Что в настигнутой ими колонне вражеских танков нет, поняли не сразу. Черт ее знает в таком случае, откуда на их пути вообще взялась именно эта колонна. Видимо, проскочила мимо наших порядков и осталась не замеченной разведкой какая-то немецкая часть, искавшая маршруты выхода из окружения. Грузовики с пушками на прицепе, пара бронетранспортеров, какие-то обозные телеги – вот все, что встретилось им той ночью на размолоченном гусеничной и колесной техникой шоссе в направлении Ольшаны. Никто даже толком не успел оказать сопротивления выскочившим из темноты «тридцатьчетверкам». Бронетранспортеры сожгли двумя выстрелами башенных орудий. А дальше работали только гусеницами и пулеметами. В пляшущем свете от горевших факелами грузовиков метались обезумевшие фигуры германских пехотинцев. Кто-то пытался поднимать руки, но свинец танковых пулеметов беспощадно выкашивал всех без разбора. Взвод Малеева еще и включил фары. Немцы лишились разума вконец. Как итог в сереющем рассвете – сваленные на обочину танковыми корпусами обломки неприятельской техники, десятки трупов, темневших на снежной целине. Уйти не удалось никому.

Когда все закончилось, Терцев отдраил люк. Оглядел с высоты картину учиненного побоища. Все пять танков роты стояли вдоль дороги, развернув стволы орудий в сторону леса, к которому двигалась колонна. Напротив молотила на холостом ходу машина Малеева, по самую башню забрызганная грязью и кровью. Через открытый водительский люк был виден Ветлугин. Сидевший за рычагами сержант пил что-то горячее из дымящегося трофейного термоса, подобранного на дороге, наскоро перекусывая сухарями. Сам старший лейтенант выбрался на шоссе и присел на корточки рядом с раненой лошадью. Животное лежало у обочины, бока его вздымались от прерывистого дыхания. Оно выгибало длинную шею и время от времени безуспешно пыталось подняться, судорожно ударяя передними копытами по замерзшей земле. Малеев погладил лошадь по голове, достал из кобуры пистолет и вложил животному в ухо. На дороге прозвучал последний одинокий выстрел. Встретившись глазами с Малеевым, капитан Терцев кивком указал ему на башню и сам спустился в боевое отделение. По рации прозвучали очередные распоряжения для танков роты…

Остановились в перелеске. Терцев сверился с картой. Впереди должна была быть река и еще одна дорога вдоль нее. Выслали разведку пешим порядком проверить проходимость пологих косогоров, чьи скаты были наполовину занесены неглубоким снегом. Через полчаса разведчики вернулись, доложив, что местность впереди вполне доступна для движения танков. Все машины исправны. Горючего в баках оставалось еще более чем на две трети. Орудийные боеукладки почти нетронуты, боекомплекты к пулеметам израсходованы наполовину. Капитан посмотрел на небо – было пасмурно, облачность низкая. Занимался новый день. Нужно было продолжать выполнять задачу. Терцев отдал приказ на движение.

Они заметили друг друга одновременно. На открывшемся после косогора изгибе дороги стояли немецкие танки и самоходки. Как раз около десятка. Вероятно, те самые.

«Викинги», – мелькнуло в голове у Терцева. Он приник к триплексу.

Противник стремительно развернулся веером и без выстрела пошел на них в атаку. Расстояние до появившихся на косогоре «тридцатьчетверок» быстро сокращалось. Понимая, что у них остаются секунды, Терцев приказал роте остановиться. Наступавшего снизу противника было отлично видно. В принципе, опытным экипажам и нужны были только эти несколько секунд, чтобы осмотреться. Они еще успели проверить связь, перед тем как перевести радиостанции во всех машинах, кроме командирской, «на прием». В шлемофоне привычно раздались позывные и уставные фразы: «Слышу хорошо».

– Бронебойными. С коротких. Нумерация целей слева направо, – переключившись на передачу, распорядился капитан.

– Понятно, командир, – весело отозвался в наушниках Малеев. – Как обычно.

И бросил свое неизменное:

– Пошли, смертнички!

Их ругал за это комбат, требовал прекратить засорять эфир, после называл это суевериями. А потом махнул рукой – мол, делайте, что хотите. Так или иначе, но

в роте Терцева крепко прижились эти две фразы, неизменно произносимые по рации перед каждым боем. Ритуал, суеверие – кто знает? Но им отчего-то было это необходимо. Уже и не вспомнить, где и когда это повелось. Но не особо веселая реплика Малеева, произносимая со свойственным только ему задорным цинизмом, приносила до сих пор им удачу. Впрочем, на эту реплику должен был последовать ответ.

– Раньше смерти не помру! – спокойно и уверенно прозвучал в эфире голос второго командира взвода.

– Огонь! – скомандовал Терцев.

Перемещаясь по косогору, танки роты открыли огонь по противнику. Умело маневрируя, тот начал ответную стрельбу. Оглядев сквозь смотровые приборы поле боя, которое быстро заволакивало дымом, Терцев подал общую команду:

– Атака в линию! Интервалы пятьдесят!

Танковые двигатели взревели на максимальных оборотах. Следуя распоряжению своего командира, сержант Ветлугин бросил машину с косогора вниз. Их «тридцатьчетверка» оказалась как раз в центре атакующей роты.

– Стой! Короткая! – крикнул во внутреннее переговорное устройство танка старший лейтенант Малеев. И продублировал команду водителю толчком сапога сверху в плечо.

Ветлугин рванул тормоз, машина качнулась и застыла на месте. В смотровую щель по-боевому задраенного люка Ветлугин ясно увидал на снежной целине низкий профиль немецкой «четверки» в зимнем камуфляже.

– Готово! – прозвучало в шлемофоне.

– Выстрел!

Рявкнула пушка над головой. Ветлугин увидел, как буквально за секунду до выстрела «четверка» резко развернулась, уходя от попадания. Разрыв снаряда пришелся у ее гусениц с правого борта, не причинив, впрочем, вреда. Ветлугин

слегка удивился – старший лейтенант Малеев промахивался редко. Вернувшись на прежний курс, противник увеличил скорость и пошел прямо на них. Зрачок неприятельского орудия грозно шевелился, указывая на них будто пальцем – германец наводился, чтобы выстрелить по ним с ходу.

– Стоим-стоим. Короткая… – раздался в переговорном устройстве ровный голос Малеева, продолжавшего давить на плечо водителя сапогом.

– Готово!

– Выстрел!

«Четверка» вильнула. Их снаряд, высекая снопы искр, срикошетил от ее башни и с гулом ушел в сторону. Было ясно, что перед ними опытный и чрезвычайно умелый противник.

– Право тридцать, полный ход! – толкнул обеими ногами в спину Ветлугина командир.

Сержант и сам ждал распоряжения, понимая, что теперь с линии неприятельского огня нужно было отпрыгивать им. Поднимая вокруг себя снежный вихрь, «тридцатьчетверка» рванула в сторону. Через секунду на месте их стоянки уже разорвался вражеский снаряд.

Старший лейтенант Малеев между тем не терял времени даром. Развернув орудие влево и воспользовавшись изменившимся расположением машин, влепил противнику снаряд под основание башни. «Четверка» вспыхнула, но все еще продолжала движение. Они разминулись на противоположных курсах и не видели, как полминуты спустя от второго попавшего снаряда, выпущенного другой машиной их роты, у вражеского танка внутренним взрывом сместило набок башню – сдетонировал боезапас. С этим противником было покончено – грудой исковерканного металла объятый пламенем немецкий танк застыл посреди поля перед косогором.

А на самом поле, ближе к реке, уже вовсю кипел встречный танковый бой. Танки кружились, казалось, в каком-то диковинном хороводе. Рык двигателей, клацанье гусениц, отрывистые выстрелы орудий – все это воспринималось уже прилично оглушенными и угоревшими экипажами будто сквозь вату. И над всем

этим мутной пеленой стояла грязная снежная взвесь, пропитанная запахами пороха и выхлопных газов, оседавшая на вывороченные комья земли, которые оставались вслед за танками. Горела одна из машин их роты. Приткнулась к косогору немецкая самоходка с проломленным бортом. Яростно отстреливалась обездвиженная «четверка» с размотанной перебитой гусеницей. А хоровод из уцелевших танков, издавая низкие, какие-то утробные звуки, продолжал вертеться, будто бы состоял из огромных живых существ. Отчаянная танковая схватка продолжалась. Получившие попадания, но сохранившие боеспособность «тридцатьчетверки» Терцева теснили танки противника к реке. На командирской машине заклинило башню. Тем не менее все отчетливо слышали распоряжение капитана:

– Отжимать к реке! Уступом назад!

– Сшибай их вниз, ребята!

Это уже Малеев, яростно и весело, как всегда. Удивительно, как из башен они еще умудрялись что-то различать в происходящем вокруг. Ветлугин только рвал рычаги, ориентируясь на толчки сверху. Все было отработано – влево, вправо, остановка, вперед, назад. Причудливой морзянкой гуляли командирские сапоги по плечам и спине механика-водителя. Только подошвы торчали из удушливой пелены отработанных пороховых газов, наполнявших боевое отделение. Так было в каждом танке.

Потом пропала связь с Терцевым.

– Горит, сука! – успел довольно проорать Малеев после очередного выстрела с короткой остановки. – Утрись, викинг!

Ведя машину вперед, Ветлугин не мог видеть, как справа неожиданно полыхнула и встала «тридцатьчетверка». Не видел он и как спустя какие-то мгновенья вспыхнула командирская машина.

– Право сорок, за косогором! – хлестанул по ушам Малеева голос второго взводного. – Справа он, справа, – бей!!!

Укрывшуюся в засаде «пантеру» они увидели слишком поздно. Да ее бы и никто вовремя не увидел. Впрочем, от этого было не легче. Теперь противник точно и

быстро расстреливал их в борта из засады. Первая подбитая им «тридцатьчетверка» оказалась обездвиженной сразу. Машина Терцева, хоть и объятая пламенем, вскоре ожила и пришла в движение. Было видно, как, кидая танк из стороны в сторону, с него пытались сбить пламя. Пошедшего с небольшого взгорка полным ходом таранить Терцева «штуга» ни Ветлугин, ни Малеев уже не видели. Ветлугин тянул рычаги, а старший лейтенант отчаянно разворачивал башню, чтобы успеть открыть огонь по «пантере» – туда, куда уже била «тридцатьчетверка» второго взводного. Малееву не суждено было разглядеть, откуда прилетел выпущенный в них снаряд. Перед тем как откатиться за косогор, «пантера» выстрелила еще раз. Слились воедино чудовищный удар, яркая вспышка и смертоносные осколки брызнувшей внутрь брони, ломавшие и корежившие все внутри, включая человеческие тела. Двигатель заглох. Голову оглушенному Ветлугину, которого резким толчком приложило о бортовую стенку, спас танкошлем. Иначе бы она разлетелась вдребезги, как сыпанувшие со щитка осколки контрольно-измерительных приборов, поранивших руки и лицо. Потрескивающие языки пламени лизали башню изнутри, добавляя к удушливой вони пороховых газов сладковатый и отвратительный запах горящей человеческой плоти. Ветлугин попытался развернуться на своем месте, дернул старшего лейтенанта за сапог. Только эту безжизненно болтавшуюся у него над спиной ногу в сапоге и можно было разглядеть сквозь сизые клубы валившего из башни во все стороны дыма. Сержант дернул еще раз – сверху посыпались клочки тлеющего обмундирования и, кажется, куски горелого мяса. Понимая, что вот-вот потеряет сознание от стремительно хватавшего его за горло удушья, Ветлугин толкнул водительский люк от себя. На его счастье, люк распахнулся легко и свободно. Понимая остатками мутившегося разума, что в башне уже никому не поможешь, Ветлугин отчаянным усилием вытолкнул свое быстро слабеющее тело из бронированной ниши наружу и, едва подставив руки, упал лицом в неглубокий снег.

Он не видел, как рядом отчаянно маневрировала, выписывая невероятные пируэты на закопченном снегу, последняя машина их роты. Танк второго взводного, дважды уклонившись от выстрелов «пантеры», показавшейся было опять из-за косогора, заставил огнем своего орудия вражескую «пятерку» на время снова убраться с линии огня. Затем, прикрываясь дымом и корпусами чадящих «тридцатьчетверок», описав дугу, взводный попытался подойти к ним вплотную. Башенные люки на машинах Терцева и Малеева были задраены и так и не открылись. Только с третьего подбитого танка соскочили две фигуры в темных комбинезонах. Выпущенная откуда-то из дымно-снежного марева пулеметная очередь заставила их бухнуться в снег. Секунды спустя одна фигура быстрой тенью метнулась к медленно сдававшему назад советскому танку.

Вторая так и осталась лежать ничком на оплавленном насте. Запрыгнуть на броню удалось только одному из членов экипажей всех подбитых машин. С огромным риском откинув в разгар боя верхний люк, его за две секунды втащили в боевое отделение. Люк тут же захлопнулся. Подняв голову, Ветлугин увидел отходившую от него «тридцатьчетверку». Рывком встал на колени, прислонился спиной к каткам своей машины. Его заметили, попытались снова подать вперед. С диким визгом со стороны поля в башню машины взводного прилетел снаряд и, срикошетив, снопами искр взметнулся, казалось, в самое небо. Ветлугин моментально распластался вдоль гусеницы, вжимаясь в оттаявшую грязь. Там, в поле, продолжали по ним вести огонь уцелевшие вражеские танки. Будто оглушенная, «тридцатьчетверка» покачалась на тормозах. Затем огрызнулась в сторону противника пушечным выстрелом. Попыталась еще продвинуться вперед и едва увернулась от очередного разрыва, прогремевшего у нее за кормой.

– Уходите! – отчаянно закричал Ветлугин и, понимая, что никто не может его слышать в этом грохоте и лязге, снова приподнялся и ожесточенно замахал руками у себя над головой. Через секунду ему пришлось опять вжиматься в грязь, буквально зарываясь во вспаханный траками чернозем.

Каким-то чудом последняя «тридцатьчетверка» вырвалась из череды разрывов вокруг себя и, петляя и набирая ход, стала удаляться, развернув башню на сто восемьдесят градусов. Порыв ветра сдернул завесу дыма с вражеских танков в поле. Улучив момент, взводный ухитрился точно угостить снарядом высунувшийся вперед «штуг». Тот завертелся на месте с перебитой гусеницей, загребая снег со стороны неповрежденного борта. Вновь выкатившаяся из своей засады «пантера» дважды безрезультатно стреляла вслед уходящему русскому танку. И каждый раз он умудрялся увернуться, резко меняя траекторию движения буквально почти одновременно с проблесками вражеских выстрелов. Неприятельские машины кинулись следом, окончание боя смещалось в сторону. У подбитой «тридцатьчетверки», за которой укрывался Ветлугин, от жара начал плавиться резиновый бандаж на катках. Нырнув в шлейф едкого дыма, черный, словно негр, в поисках нового укрытия он перебежал к машине капитана Терцева. Там языки пламени лениво лизали моторное отделение. Стоявший чуть в отдалении еще один «штуг» с искореженной от таранного удара ходовой частью признаков жизни не подавал. Ветлугин собирался нырнуть под днище подбитого танка – самое надежное на данный момент убежище. Был вполне реальный шанс отсидеться там и, дождавшись, когда все закончится, попытаться пешком выбираться к своим. Голыми руками против железных монстров противника все равно ничего не сделаешь. Конечно, сверху могло

рвануть в любой момент. Но тут уж выбирать было не из чего – укрытие было жизненно необходимо. Он слышал еще один орудийный выстрел невдалеке, но не видел, как выпущенный «пантерой» снаряд все-таки достал почти у самого уходившего вниз косогора «тридцатьчетверку» взводного. Загоревшись, она тем не менее огрызнулась выпущенным напоследок снарядом и, не сбавляя хода, скрылась из вида за холмом.

Ветлугин осторожно обогнул танк, зачерпнул пригоршню снега, растер им закопченные веки и поднял голову. Из люка механика-водителя свисала высунувшаяся по пояс фигура. Распластавшись на спине, вперед ногами заныривая под танк, сержант на мгновение увидел над собой лицо танкиста. Губы у того дрогнули в секундной гримасе боли, но глаза оставались закрытыми. Ветлугин задержался и сквозь сажу в палец толщиной узнал лицо капитана Терцева. Быстро вылез обратно, оказался над люком. Осторожно и бережно стал вытаскивать ротного командира на снег. Тот был без сознания, и лишь по иногда раздававшимся еле различимым стонам можно было судить, что он жив. Сержант уже был готов затащить Терцева под танк, когда совсем вплотную с ними раздались клацанье гусениц и рев двигателя. Затем клацанье резко оборвалось, и только двигатель молотил на холостом ходу прямо в уши. Как тут же машинально определил по слуху Ветлугин – чужой двигатель…

Согнувшись и продолжая держать под мышки бесчувственного Терцева, сержант медленно повернул и поднял наверх голову. Рядом с подбитой командирской «тридцатьчетверкой» громоздилась махина подъехавшей и остановившейся «пантеры». Пару секунд Ветлугин, не шевелясь, смотрел на две устремившиеся друг к другу большие черные кошачьи лапы с длинными когтями, нарисованные на грязно-белом камуфляже борта неприятельского танка. Затем буквально сантиметр за сантиметром поднял голову выше. Прямо из распахнутого башенного люка их с любопытством рассматривал германский танкист. Не отрывая своего взгляда от взгляда немца, Ветлугин потянул руку к висевшей на поясе Терцева кобуре. Немец молча продемонстрировал ему из люка автомат и так же молча отрицательно покачал головой. Только тут Ветлугин сообразил, что вокруг уже некоторое время совершенно не слышно ни звуков орудийных выстрелов, ни пулеметной стрельбы. Делать было нечего – под наведенным на него автоматом Ветлугин опустил руку и с досады крепко сжал ее в кулак…

Внизу, во дворе, что-то громко сказали по-немецки. В ответ кто-то рассмеялся. Скрипнули ступени лестницы, ведущей к ним на чердак. Внизу некоторое время слышалась какая-то возня, но залезать к ним, видимо, пока раздумали.

Терцев собрал волю в кулак и сел. Перед глазами поплыли искрящиеся круги в розовом обрамлении. Потер двумя ладонями виски. Голову продолжало ломить нещадно, но сознание не уплывало. Ощупал себя: комбинезон был заиндевевший и прожженный в нескольких местах, все документы и бумаги из карманов зимней диагоналевой гимнастерки под ним вынуты, ремень с кобурой на поясе отсутствовал. Пошевелил пальцами ног в промокших насквозь и тоже задубевших сапогах, зябко поежился. Никаких видимых повреждений на теле не обнаружилось, что само по себе уже было удивительно после такой передряги. И не менее удивительно, что, провалявшись в беспамятстве две трети суток, он как будто бы даже и выспался. Словом, поразительная штука человеческий организм!

Впрочем, долой лирику. Капитан попросил еще воды. На сей раз умылся из пригоршни. Стало легче. Обратился к Ветлугину с просьбой поведать, что он еще пропустил за время своего вынужденного «отдыха». Сержант одобрительно хмыкнул такой ироничной постановке вопроса и, сам приободрившись, принялся рассказывать. Тогда на поле к «пантере», остановившейся около их горевшей машины, очень быстро подкатил из снежной пелены бронетранспортер. Видимо, немецкие танкисты вызвали его по рации. Совместно с выпрыгнувшими из бронетранспортера панцергренадерами Ветлугин загрузил бесчувственного командира внутрь железной коробки. Их обоих обыскали, забрали документы и оружие капитана. Державший все это время их на прицеле немец сделал с башни Ветлугину недвусмысленный приглашающий жест стволом автомата. Сержант залез в бронетранспортер. Втиснувшийся следом здоровенный пехотинец с заткнутыми за ремень полами шинели захлопнул изнутри десантные дверцы, и они поехали. Видимо, по пути к ним примкнули уцелевшие после боя танки противника, включая злополучную «пантеру». Самой дороги Ветлугин не видел, но прибыли они в небольшой хутор, явно не имевший ничего общего с Ольшаной, куда, по данным нашей разведки, могла изначально следовать вражеская колонна. Значит, можно было предположить, что по итогам боя немцы на помощь своим блокированным в Ольшане частям не прорвались. И значит, задачу свою рота Терцева выполнила. К тому же немецких танков на хуторе Ветлугин, пока выгружались, успел насчитать всего четыре. И

если изначально их атаковали десять неприятельских машин, бой все-таки закончился со счетом в их пользу.

– В какую сторону везли? – тихо и быстро спросил капитан. – На запад?

Сержант отрицательно покачал головой:

– На восток.

– Через реку перебирались?

– Думаю, да.

Ветлугин пояснил, почему он так считает – судя по характерным толчкам, часть пути долго ползли по бревенчатому настилу. Но, насколько он успел оглядеться по прибытии на место, реку от хутора не видать.

– Значит, мы на другом берегу… – задумчиво поскреб пальцами небритый подбородок Терцев.

– Скорее всего…

Ну а по прибытии ближе к вечеру в хутор тот самый здоровенный немецкий гренадер указал Ветлугину на чердак, помог затащить туда капитана, сам спустился вниз и унес с собой лестницу. С учетом того, что ночью ударил мороз, а на чердаке было полно сена, весьма гуманный жест. Так они и провели первую ночь в плену, зарывшись в сене. Сержант старательно завалил им со всех сторон Терцева и упрятался в сено сам так, что наружу остался торчать один только нос. Ночью на дворе маячил часовой. Наверное, можно было попробовать сбежать с этого чердака, но Ветлугин решил не оставлять командира. Этого он, конечно, капитану не сказал. Но тот и сам теперь догадался, надо полагать. Утром немец лестницу приставил обратно. Позволил спуститься по нужде и даже дал котелок набрать воды из колодца. Сейчас лестница была на месте, но на дворе было светло, а весь хутор оказался набит сновавшими во все стороны солдатами противника.

– На допрос не вызывали, – уточнил сержант, заканчивая свой рассказ.

– Пока не вызывали…

Терцев сидя еще раз потер виски и откинулся на спину в ворох прелой травы.

Через полчаса зашел все тот же здоровенный гренадер, окликнул и закинул им наверх полбуханки хлеба. Ветлугин кивнул ему благодарственно. Поели хлеб, отламывая его маленькими кусочками…

На допрос их вызвали в середине дня. Перед этим во дворе раздался стрекот автомобильного мотора. Скрипнули тормоза. Ветлугин приник к щели в обшивке сарая. Было видно, как к хате подкатил «Кубельваген» с пристегнутыми цепями на колесах и поднятым тентом. Распахнулись и хлопнули дверцы. Из машины вышли водитель в короткой куртке и меховой ушанке и человек в длинной шинели с поднятым воротом. Оба быстро прошли в хату. Затем снизу раздался хулиганский свист, а по лестнице заехали ногой так, что она заходила ходуном. Ветлугин снова выглянул из чердачного проема. Внизу, широко расставив ноги, стоял немецкий солдат в белой парке и лихо заломленной набекрень, совсем на русский манер, суконной пилотке. В отличие от предыдущего конвоира, этот был маленький и щупленький, с хищными и постоянно двигавшимися чертами лица, будто он все время что-то жевал. Немец махнул им рукой и отошел на середину двора, наставив на чердачный проем автомат.

– Сам слезу, – проговорил Терцев в ответ на вопросительный взгляд Ветлугина.

Вслед за сержантом, который быстро оказался внизу и теперь придерживал лестницу, капитан начал медленный спуск с чердака на землю. Голова кружилась, он двигался, с трудом удерживая равновесие, однако преодолел весь путь без посторонней помощи. Встал на ноги, держась одной рукой за лестницу. Ветлугин тут же подставил плечо, но Терцев, сделав несколько шагов в сторону хаты, опираться на сержанта перестал и дальше, покачиваясь, пошел самостоятельно. Добрался до крыльца, уцепился за перила. Постоял, широко расставив ноги и с трудом удерживая равновесие. Поспешивший за ним Ветлугин снова взял его за локоть, но Терцев сделал отстраняющий жест и шагнул на ступеньку. Ветлугин успел мельком заметить за хатой силуэт танка. Выглянул за угол, вытягивая шею, – в глаза бросились нарисованные на борту две черные кошачьи лапы с длинными когтями. Немец сзади сильно ткнул его в спину автоматом и втолкнул в сени вслед за капитаном.

Внутри было жарко натоплено. Пахло овчиной, сырой одеждой и амуницией. Приехавший водитель «Кубельвагена», присев на корточки, грел руки у печи. Второй визитер сидел сбоку за столом, лишь расстегнув, но не сняв шинель. Терцев обратил внимание, что на его одежде не было никаких знаков различия. Далеко в углу хаты сидел с равнодушным видом белобрысый детина в расстегнутой серой рубашке с отложным воротником и подтяжках. Рукава рубашки были закатаны. Он даже не обернулся в их сторону, продолжая возиться с пулеметом. Рядом с ним на подоконнике среди разбросанной ветоши стояла масленка и лежали инструменты.

А посередине за столом, напротив входной двери, расположился на стуле человек лет сорока в накинутой на плечи танковой блузе. На стол был брошен офицерский ремень с большой ярко-коричневой кобурой на застежке. Вошедший Терцев сразу же перехватил взгляд глубоко посаженных серых глаз немца. Лицо его было уставшее, на впалых щеках блестела рыжеватая щетина, но взгляд был внимательный и заинтересованный. Капитан исподлобья смотрел на этого немца так же пристально и сосредоточенно. Железный крест на мундире, значки с изображениями танков в различных комбинациях, в том числе с какими-то орлами в обрамлении венков. Похоже, одного с ним звания, насколько Терцев разбирался в германских погонах. И что совершенно точно – не эсэсовец. Хотя сомнений в том, что накануне они дрались с «викингами», быть не могло. Видимо, в состав этой немецкой дивизии входили и обычные танковые подразделения. Возможно, в качестве приданных. Все это Терцев быстро прокручивал в голове, стараясь держать себя твердо и уверенно, несмотря на волнообразно накатывавшие тошноту и головокружение. Немец слегка повернул голову в сторону человека в расстегнутой шинели, что-то коротко проговорив.

– Вы можете присесть, – указали Терцеву на лавку с другой стороны стола.

От прозвучавших слов на родном языке Терцев в первый момент вздрогнул. Его бы не смутил ломаный русский язык кого-нибудь из присутствующих. Но по сказанной переводчиком фразе капитан сделал вывод, что с ним разговаривает человек, для которого русский является родным. Отсутствие знаков различия на германской форме косвенно говорило в пользу такого предположения. Он мельком еще раз окинул взглядом говорившего и сел на лавку. Снова перевел взгляд на немецкого танкиста. Дернувшегося было вслед за капитаном Ветлугина встряхнул и оставил стоять конвоир, перекрывавший входную дверь у них за спиной, – сержанту садиться никто не предлагал. Ветлугин покосился на него сверху вниз через плечо и пренебрежительно шмыгнул носом.

– Назовите себя, ваше звание и воинскую часть, – проговорил переводчик.

Терцев посмотрел на стол перед ним – там лежали их с Ветлугиным документы, где все это и так значилось. Ровным голосом ответил на вопрос и, посмотрев в глаза продолжавшего изучать его любопытным взглядом немецкого танкиста, спокойно заявил:

– Это все. Больше никаких сведений мы не сообщим.

Ветлугина позади себя Терцев не видел, но услышал только, как тот угрюмо засопел у него за спиной в знак поддержки.

Переводчик что-то сказал, немец смерил взглядом обоих пленных, слега улыбнулся понимающе уголком рта. Бросил пару фраз на немецком.

– Господин гауптман говорят, что прекрасно вас понимают, – пролистывая их документы, пояснил переводчик. – На вашем месте он поступил бы так же.

– Уверен, у него будет такая возможность, – беспристрастно отчеканил Терцев, продолжая смотреть только на своего германского собеседника.

Выслушав перевод, тот откинулся на спинку стула. Вопреки ожиданиям, улыбнулся еще шире. Детина в рубахе, чистивший у окна пулемет, коротко взглянул в их сторону и вернулся к своему занятию. Переводчик сидел с недовольным видом.

– Вы же понимаете, что есть способы заставить вас заговорить… – продолжил переводчик, явно по собственной инициативе. – Вы могли бы не устраивать себе дополнительных трудностей. Более того, если мы сможем наладить сотрудничество…

Гауптман резко оборвал инициативу переводчика. Тот насупился и с обиженным видом отвернулся в другую сторону.

– Вы командовали русскими танками вчера в бою у реки? – через переводчика поинтересовался гауптман.

Терцев молчал, и лишь в его прищуренных глазах мелькали ироничные огоньки.

Немец кивнул, снова улыбнувшись только одним уголком рта.

– Очень профессиональная работа, – раздраженно перевел человек в шинели и отвернулся к окну.

Гауптман встал из-за стола, подошел к Терцеву. Произнес фразу явно с вопросительной интонацией и замер, в ожидании глядя на переводчика.

– Вы можете дать честное слово, что не попытаетесь бежать?

– Нет! – ни секунды не раздумывая, отвечал капитан.

Немецкий танкист кивнул раньше, чем ему перевели ответ. Во взгляде его читалось понимание и, казалось, даже удовлетворение.

– Он вас больше не задерживает, – последовал перевод последней фразы разговора.

Прозвучала команда на немецком.

Все тот же низенький конвоир в пилотке с автоматом наперевес вывел их во двор. Жестом велел остановиться за припаркованным «Кубельвагеном». Сам достал сигарету и закурил. Ветлугин жадно повел носом, поморщился и отвернулся в другую сторону.

– Ну и чего он от нас хотел? – слегка кивнув на хату, недоуменно спросил сержант Терцева.

– Профессиональный интерес, – негромко отозвался капитан.

– Так ведь поговорили ни о чем!

Терцев на это только загадочно хмыкнул…

Из хаты вышел водитель, уселся за руль «Кубельвагена» и запустил двигатель. Следом за ним появился переводчик в шинели без знаков различия.

– Ты русский, что ли? – окликнул его Ветлугин, когда тот проходил мимо них к пассажирскому сиденью.

– Я-то русский, – усаживаясь в машину, резко отозвался переводчик. – А вот ты кто?

И перед тем, как захлопнуть дверцу, бросил Ветлугину:

– Об этом подумай!

«Кубельваген» в два приема развернулся во дворе, обдав их облачком сизого дыма из выхлопной трубы. От укатанного наста следом за ним полетела снежная крошка из-под обмотанных цепями колес.

– Да пошел ты! – громко проговорил Ветлугин вслед уехавшей машине.

Раздался окрик конвоира. Тот докурил, придавил сапогом окурок и теперь показывал им автоматом в сторону улицы.

– Да и ты пошел туда же… – буркнул себе под нос сержант. Правда, уже совсем тихонько.

Их привели в большой сарай на окраине хутора. Там были еще советские пленные. Немного, всего десятка два. Среди них были раненые, несколько тяжело. Все лежали и сидели на гнилой вонючей соломе.

– Черт их знает, откуда они взялись, – рассказывал через полчаса Терцеву майор-артиллерист средних лет, раненный в обе ноги. – Успели только крикнуть: «Танки с тыла!» А орудия развернуть не успели – куда там! Перепахали всю батарею…

Еще через час часть пленных, том числе и Ветлугина, увели куда-то на работы. Вернулись к вечеру.

– Раненых фрицев таскали, – сообщил капитану Ветлугин. – Их там до хрена в лазарете.

В каске принесли промороженные, слипшиеся макароны и несколько ломтей хлеба. Хлеб тщательно разделили поровну между всеми. Поели макарон прямо руками, передавая каску по кругу.

К вечеру умерли несколько тяжелораненых. Перед тем как их выносить, сняли с покойников теплое обмундирование. Майора укрыли прожженным полушубком. Ветлугин взял солдатскую шинель с бурыми пятнами крови, а Терцеву достался стеганый ватник. Вещи оказались очень кстати – ночью опять крепко подморозило. Кое-как приткнувшись на соломе, стали ждать утра. Снаружи до самого рассвета, сменяясь, приплясывали часовые. А где-то вдалеке приглушенно грохотал фронт. Иногда казалось, что грохочет сильнее и будто бы даже с нескольких сторон. Тогда все замирали с затаенной надеждой на лицах. Словно боялись ее спугнуть…

3

Гауптман Курт Штиглер застегнул ремень, привычно сдвинув кобуру с пистолетом на левый бок.

– Ulrich, wo ist Rudi?[1 - Ульрих, где Руди? (нем.)] – коротко бросил парню у окна, закончившему чистить пулемет и теперь заботливо протиравшему его ветошью.

Тот поднял голову, быстро отозвался:

– Tobt mit der Maschine, Herr Hauptmann[2 - Возится с машиной, господин гауптман (нем.).].

Штиглер кивнул и вышел во двор.

«Пантера» стояла за хатой. Из открытого переднего люка торчали ноги в зауженных книзу черных брюках, обутые в горноегерские ботинки со множеством шипов. Из боевого отделения раздавались приглушенные

ритмичные постукивания – Руди и вправду был за своей обычной водительской работой. Впрочем, как всегда. Командир пока что не стал ему мешать. Огляделся вокруг. Со стороны танк прикрывали высокие поленницы дров. От них до соломенной крыши дома тянулась поверху зимняя маскировочная сеть. Она делала машину невидимой для обнаружения воздушной разведкой противника. Гауптман остался доволен – экипаж потрудился на славу. А работы было действительно хоть отбавляй. И угораздило же их так влипнуть – угодить в этот проклятый «котел»! За последние трое суток они почти не спали. В круговерти безостановочных боев едва успевали пополнять запасы горючего и боеприпасов. Если так пойдет дальше, то скоро с этим начнутся проблемы. Отвратительнее были, пожалуй, только перепады температуры – от ночного вполне приличного мороза до раскисшего «плюса» днем, делавшего воздух сырым и промозглым, а дороги превращавшего в совершенно непролазное месиво. Вот по этим дорогам танкам Штиглера и приходилось мотаться из конца в конец на довольно обширном участке внутреннего фронта окружения. Спасала всеобщая неразбериха и постоянные изменения линии соприкосновения противников. Одним словом, настоящая маневренная война. Это было им по душе. А вот то, что русские умудрись их окружить, было уже значительно хуже. Впрочем, за эту войну гауптман Штиглер уже успел побывать в самых разнообразных передрягах. Экипажи были настроены бодро и решительно, техника вела себя хорошо, все возникающие поломки устранялись своевременно. Он не испытывал ни малейшего сомнения в благополучном для них исходе дела – либо деблокируют их, либо прорвутся они. Как там говорил великий Клаузевиц? «Если себя убедить, что мы не разбиты, то так и случится в действительности», – процитировал мысленно Штиглер.

Тем более что даже в своем нынешнем положении они продолжали превосходить противника во всем. В организации, в ведении боевых действий, в выучке экипажей и качестве техники.

«До вчерашнего боя», – справедливости ради одернул сам себя гауптман.

За эти истекшие трое суток они успешно провели несколько встречных танковых стычек, из которых неизменно выходили победителями. На их счету были две разгромленные советские колонны. При их поддержке панцергренадеры отбили важный населенный пункт на стратегическом перекрестке дорог. Их танки искорежили и превратили в металлолом артиллерийскую батарею противника, грамотно обойдя ее с тыла. И все это практически без потерь со своей стороны. Поэтому, когда Штиглер позавчера ночью получал новую задачу прорваться по

дороге вдоль берега реки к уже окруженному, но продолжавшему ожесточенно сопротивляться гарнизону в населенном пункте (черт бы побрал эти варварские славянские названия, никак к ним не привыкнуть!), кажется, Ольшана он был уверен в успехе. Тем более что ему доложили о замеченной накануне русской разведке, сновавшей в районе их расположения на дневку. Что ж, пусть доложат своему командованию. Низкая облачность не позволяла противнику применить авиацию, а всего, что передвигается по земле, Штиглер не особенно боялся. Тем не менее он внимательно изучил предстоящий маршрут следования и косогоры над дорогой со стороны возможного появления противника. Сообщали, что под утро с того направления раздавалась отдельная артиллерийская и плотная пулеметная стрельба. Среди косогоров обнаружилась отличная позиция для танковой засады…

А вот дальше нашла коса на камень, как говорится. Не имея никаких технических преимуществ и вдвое уступая им числом, русские танки предприняли дерзкую по своей стремительности атаку. Конечно, все это ожидалось, но не в таком действительно великолепном со стороны неприятеля исполнении. Схватка получилась жестокая. И хоть поле боя в конечном итоге осталось за немцами, но, если можно так выразиться, по очкам они вчера проиграли. Более того, одному русскому танку, похоже, удалось уйти. Он, конечно, получил попадания и даже, быть может, сгорел за косогором вне зоны их видимости. Проверять это не было ни времени, ни возможности. Но такого мастерского вождения и маневрирования под огнем Штиглер не встречал, пожалуй, за всю войну. А повоевать ему пришлось изрядно – и в Европе, и в Африке, и в России…

Водитель выбрался наружу с разводным ключом в руке и, завидев командира, вытянулся по стойке «смирно».

– Mach weiter, Rudi[3 - Продолжай, Руди (нем.).], – бросил ему Штиглер, махнув рукой.

Тот утер ладонью перепачканное лицо и, кивнув, снова нырнул в люк.

«Н-да, на такое вождение, возможно, не способен даже Руди», – подумал Штиглер, шагая обратно в сторону хаты.

Хотя, впрочем, что за чепуха! Они были лучшими, лучшими и останутся. Просто иногда в правилах бывают исключения. Вот он и хотел сегодня посмотреть на это, безусловно, исключение в лице пленного советского капитана, командовавшего в том бою. Спору нет – достойный противник. В принципе, Штиглер не особо нуждался в какой бы то ни было информации от него. Просто хотел именно посмотреть. Из профессионального интереса. И не остался разочарованным. Он испытывал уважение к этому русскому танкисту, в том числе и за то, как он держался на допросе. Но в конечном итоге гауптман был доволен и собой – ведь победу все-таки одержали именно они…

«Достаточно лирики!» – мысленно строго оборвал сам себя Штиглер, поднимаясь на крыльцо и берясь за дверную ручку.

Он вошел в хату. Там его ожидал посыльный мотоциклист, только что прибывший из штаба. Щелкнув каблуками и вытянувшись перед офицером, посыльный доложил о своем прибытии по всей форме. После чего протянул запечатанный конверт. Отпустив посыльного, гауптман стянул перчатки, по привычке бросил на стол ремень с кобурой. Присев на лавку, распечатал пакет и погрузился в чтение. Это был приказ о прорыве из окружения…

4

– Есть чего пожрать?

К Ветлугину подполз на четвереньках солдатик в шинели с оторванным хлястиком и ватных штанах, настойчиво потеребил сержанта за рукав. Тот протянул солдатику черную корку хлеба. Ухватив хлеб, так же быстро боец отполз по соломе в свой угол. Засунул корку в рот и прикрыл его обеими руками…

До вечера было относительно спокойно. А с наступлением сумерек за стеной явно началось какое-то движение. Впрочем, весьма осторожное. Проскрипели туда и обратно быстрые шаги множества ног за дверью сарая, бряцнуло оружие. Кому-то приглушенно бросили короткое недовольное замечание. Опытным ухом Терцев привычно уловил гул пришедших в движение танков где-то вдалеке. Но даже ворчание двигателей, казалось, было вкрадчивым и тихим. Было слышно,

как невдалеке от сарая, скрипнув тормозами, остановился грузовик. Тусклый свет замаскированных фар мазнул по закрытым воротам, едва пробившись сквозь щели внутрь, и тут же исчез. Двигатель, однако, не выключали. Приглушенно стукнул откинутый борт кузова. Ветлугин приник к дверной щели. Позвякивая амуницией, немецкие пехотинцы быстро и сноровисто залезали в машину.

– Ну что там? – тревожно окликнули Ветлугина из темной и промозглой глубины сарая.

– Уезжают, – не поворачивая головы, ответил сержант.

Через пару минут снова хлопнул деревянный борт. Было слышно, как машина уходила по хрустящему насту. Снаружи стало тихо и совсем темно. Минут десять в сарае царило напряженное молчание, нарушавшееся лишь тревожным сиплым дыханием полутора десятков человек.

– Братцы, может, про нас забыли? – с опаской и надеждой одновременно негромко проговорил кто-то наконец.

– А что, верно! – поддержал разведчик в грязном балахонистом маскхалате. – Им самим бы ноги унести…

– Посмотрим, – проговорил из своего угла раненый майор-артиллерист.

Терцев встретился с ним взглядом, потер пальцами начавший зарастать щетиной подбородок и поплотнее запахнул ватник.

Про них не забыли. Снаружи у сарая снова скрипнули тормоза. Лязгнул отпираемый засов. В открытом дверном проеме возникла фигура с карманным фонариком в руках. Вошедший немец в длиннополой шинели и надетой поверх шерстяного подшлемника пилотке быстро посветил по всем углам. Сделал взмах кистью:

– Aus! Los!

Все было понятно без перевода. Пленные зашевелились, поднимаясь со своих мест. По краям сарая стояли два мотоцикла с колясками. Из них на дверь были направлены пулеметы. Немец задержался на пороге, подсветил фонарем свое лицо. Все увидели сначала приложенный к губам его палец, а затем сжатый кулак, которым он погрозил пленным. Кивком конвоир указал на открытый грузовой «Опель Блиц»:

– Schnell!

Они сами занесли в кузов майора, помогли забраться еще нескольким раненым. Перед началом движения из кабины высунулся фельдфебель в пестром домашнем шарфе и суконной кепке фельдграу с опущенными ушами. Стоя на подножке и заглядывая в кузов, негромко, но внятно проговорил на ломаном русском, обращаясь к пленным:

– Один бежать – всем расстрел.

Кивнул в сторону пулеметчиков в мотоциклетных люльках позади и, убравшись в кабину, захлопнул за собой дверцу.

Подсвечивая дорогу фарами, наполовину прикрытыми маскировочными чехлами, грузовик, раскачиваясь из стороны в сторону, медленно пополз по обледеневшему насту проселочной дороги. Ветлугин сидел рядом с Терцевым, вцепившись закоченевшей рукой в деревянный борт. Сзади тускло плясали, подскакивая на ухабах, ходовые огни двигавшихся следом мотоциклов. Пулеметы постоянно держали под прицелом кузов «Опеля» с советскими пленными.

Они ехали всю ночь до рассвета. Двигались, вероятно, вдоль линии фронта. А точнее, по вражеской стороне внутреннего кольца окружения. Почти постоянно в нескольких километрах слышалась канонада, и можно было наблюдать зарево, всполохами чертившее темное зимнее небо. Прикрывшему глаза Терцеву казалось, что где-то вдалеке от них прокатывается гроза. Зимняя гроза…

За всю ночь было только две остановки. Немцы выходили размяться. Быстро высасывали по папиросе, пряча огоньки в кулаки. Пленным покидать грузовик было запрещено. Они только осторожно переползали, меняясь местами во время движения, чтобы по очереди пустить в центр погреться тех, кто проделывал

часть пути, сидя у бортов. Подморозило. Дул ледяной ветер. По обочинам дороги, взвихряясь, змейками разбегался в поля по белому покрову сухой и колючий снег. Когда проезжали очередной перелесок, Ветлугин выжидательно глянул на капитана. Терцев понял его без слов, перевел взгляд на лежавшего рядом майора, прикрытого полушубком. Затем легонько кивнул на остальных товарищей по несчастью рядом. Чуть склонился к сержанту.

– Пока выждем, – негромко проговорил на ухо.

Ветлугин прикрыл глаза в знак согласия и прислонился спиной к борту.

На день их загнали в каком-то почти полностью сгоревшем селе в чудом уцелевшее здание скотного двора. Теперь звуки грохотавшего фронта, не умолкая, раздавались впереди, точно по ходу их движения. Двоих куда-то увели. Они вернулись с шапкой сырой, промороженной брюквы и тремя касками, набитыми снегом. Выбирать еду и питье не приходилось. Пока все грызли брюкву, один из ходивших рассказывал:

– Весь лес рядом набит техникой и людьми. Танков до дури, бронемашины. За нами колонна из грузовиков.

– Ночью пойдут на прорыв, – с уверенностью высказал предположение майор.

– На хрена они нас-то с собой тащат? – недоуменно проговорил солдатик в шинели без хлястика.

– А ты чего думаешь, они нас отпустят? – подсел к нему разведчик в маскхалате. – Пока тащат, мы живы. Не смогут тащить – порешат на месте в любой момент.

– Типун тебе на язык! – зло проворчали из дальнего угла.

– Это факт, – спокойно заметил майор. И, оглядев всех пристальным взглядом, так же спокойно вымолвил вполголоса: – Ночью надо бежать.

Заветные слова были произнесены. Полтора десятка пар глаз были с волнением и тревогой устремлены на майора.

– А вы? – быстро спросил майора Терцев.

Все поняли, что он имеет в виду. Понял и майор.

– Я все равно сдохну в лагере, – скептически покачал головой артиллерист. – Не ходячий, да еще и зимой…

И, будто в утешение, добавил:

– Хотя, скорее всего, просто пристрелят раньше, чтобы не возиться.

Все переглянулись.

– А вы бегите. Все, кто может двигаться. Пока в силах. Только разом и по сигналу…

– Шансы есть, – обратился на сей раз ко всем Терцев.

– Наши им на пятки со всех сторон нажимают, – приободрился Ветлугин. – Выберем момент…

– Момент выберет капитан, – указал на Терцева майор. – Будете действовать по его команде.

– Есть! – коротко отозвался Терцев.

Это было нужно. Все снова почувствовали себя не пленными, а солдатами. Кто-то даже застегнул воротник гимнастерки и поправил шапку на голове. Солдатик в шинели без хлястика старательно размазал грязь по лицу и сосредоточенно посмотрел на обоих офицеров. Договорились об условном сигнале, который подаст в нужный момент капитан…

Они не знали точно своего местоположения. Но казалось очевидным по всем доступным внешним признакам, что находятся где-то на направлении главного удара немецкого прорыва. Так оно и было в действительности.

Накануне наступавшие с запада части фельдмаршала Манштейна, пробив внешнее кольцо советского окружения, вышли навстречу группировке генерала Штеммермана, продвинувшись до реки Гнилой Тикич. Однако мосты через реку оказались разрушенными. Тем не менее в некоторых местах окруженных и деблокирующих немцев разделяли считаные километры. Этой ночью предстоял последний рывок из котла. Его надлежало сделать из района Шендеровки. Здесь сосредотачивались ударные части, были стянуты танки и бронетранспортеры окруженной группировки, еще располагавшие боеприпасами и горючим. В окрестностях Лысянки уже находились передовые машины подошедшего немецкого 3-го танкового корпуса. Командир XI армейского корпуса генерал артиллерии Вильгельм Штеммерман разделил свои части на несколько колонн. Поставив в первый эшелон танковую дивизию СС «Викинг» и добровольческую бригаду «Валлония», усилив их пехотными соединениями, сам остался в арьергарде с двумя пехотными дивизиями. В ту ночь на 17 февраля 1944 года немцы из котла пошли на решительный прорыв. Надо отдать должное немецкому командующему – он будет со своими солдатами до конца и погибнет в бою во время прорыва. Его обнаруженное потом тело по личному распоряжению генерала Конева в знак уважения будет погребено с воинскими почестями немецкими военнопленными. История, схожая с историей гибели и похорон генерала Ефремова под Вязьмой в 1942 году. Только в 1944-м русские и немцы поменяются местами…

Решение выводить с собой из котла группу советских военнопленных, в которой были Терцев с Ветлугиным, явно принималось на уровне среднего или младшего командного состава. Оно выглядело тем более странным, что в Шендеровке немцы оставили на милость победителям более двух тысяч своих раненых, которых невозможно было транспортировать. С ранеными остались медики-добровольцы. А возможно, и не было никакого специального решения по военнопленным. Просто, получив приказ на выдвижение, тот самый фельдфебель в пестром шарфе загрузил их ночью в остававшийся почему-то до сих пор в его распоряжении грузовик. В баке грузовика почему-то до сих пор плескался бензин. И они поехали. Пришел бы приказ посадить в грузовик немецких раненых или взять на борт панцергренадеров для прорыва – вне всякого сомнения, пленных вывели бы в поле и скосили несколькими пулеметными очередями. Или просто перекололи бы, чтобы не шуметь. Война есть война, и иллюзий на сей счет испытывать не стоило. Но другого приказа не поступило. Видимо, в суматохе. И фельдфебель, которому тоже наверняка не была известна вся обстановка даже непосредственно вокруг него, просто продолжил выполнять поставленную накануне и до сих пор не отмененную задачу…

Так или иначе, той ночью они погрузились и двинулись в путь. Ни немцы в колонне, ни тем более советские военнопленные не знали, что происходило в те минуты впереди. Они не знали и не могли видеть, как были построены германские пехотинцы в первой линии прорыва. Как им было приказано разрядить винтовки, чтобы не выдать свое скрытное продвижение к передовым советским позициям раньше времени случайным выстрелом. Как ходили по рядам офицеры и унтер-офицеры, заставляя открывать затворы «маузеров» и проверяя точное выполнение своих распоряжений. Как лязгали негромко примкнутые по команде штык-ножи. Начало атаки должно было быть исполнено беззвучно ударом именно в штыки. Дерзко, стремительно и отчаянно – можно сказать, в исконном русском стиле…

Пролог рывка был бесшумным. Точнее, со стороны советских блокирующих позиций раздавалась дежурная беспокоящая стрельба из стрелкового оружия. Иногда ночь прочерчивали яркие вспышки пулеметных трассеров. К этому фону давно привыкли по обе стороны линии противостояния. Немцы молчали, ничем не выдавая себя. Передовые полки колонн прорыва, числом своим не более нескольких сотен человек в каждом, продвигались в полной тишине. Иногда случайные слепые пули выбивали пробиравшихся по зарослям кустарника к речной пойме гренадеров. Снопами валились в рыхлый ноздреватый снег убитые. Стиснув зубы, оставались лежать раненые, окрашивая снег своей кровью. А цепи в грязно-белых парках с пристегнутыми опознавательными ленточками на рукавах все шли и шли, пригибаясь в невысоком кустарнике. Из темноты вынырнули у самых наспех выдолбленных в насте и земле неглубоких окопов. Обрушивая за собой брустверы из подтаявших днем и снова схваченных морозом ночью кусков льда, хлынули вниз на головы красноармейцам германские пехотинцы. Отчаянно заработали ножи, заточенные саперные лопаты, топоры и приклады. В короткой и яростной схватке передовые части окруженной группировки за считаные минуты захватили линию советских окопов.

Захлебывающуюся скороговорку стрелкового боя и вспышки гранатных разрывов в ночи услышали уже спустя почти час после начала движения. До этого грузовик с пленными двигался с потушенными фарами. Скорость была не быстрее, чем у пешехода. С двух сторон от бортов, спереди и сзади практически вплотную волнообразной массой двигались немецкие гренадеры, увешанные оружием, с заткнутыми за пояса гранатами на длинных деревянных рукоятках. Бой впереди разгорался. Откуда-то сбоку ударили минометы. С грохотом колонну грузовиков и пехоты обогнали танки и самоходки, расшвыривая за

собой гусеницами во все стороны мерзлые комья земли. Коротко рявкнула артиллерия. Ей в ответ защелкали с характерным пристуком танковые орудия. Временами от всполохов разрывов становилось светло, как днем.

Грузовик притормозил. Пленные, вжимая головы в воротники, сгорбившись сидели вдоль бортов. Терцев осторожно огляделся по сторонам. Насколько хватало глаз, со всех сторон на них наплывали грязно-белые и серо-зеленые массы, ощетинившиеся винтовками с примкнутыми штыками, автоматами, взятыми на плечи пулеметами, взваленными на спины легкими минометами. Они накатывались на грузовик, обтекали его грозной и длинной шевелящейся змеей и продолжали свое движение вперед. Колонна, в которой они двигались, в бой пока не вступала. В отсвете очередного всполоха Терцев перехватил устремленный на него снизу взгляд майора-артиллериста, которого перед выездом они затащили с собой в кузов и уложили на деревянные доски настила. Сделал отрицательный знак глазами. Тот понимающе кивнул. Пока предпринять что-либо не было возможности…

Колонна между тем свернула на полевую проселочную дорогу. По сторонам за просевшими сугробами темнели вдалеке голые ветви деревьев перелеска. А вдоль бортов их грузовика, то и дело цепляясь и опираясь о них руками, все продолжали и продолжали шагать солдаты противника. Впереди и за ними ползли еще какие-то машины. Капитан прислушался. Вроде бы бой смещался влево. Несколько раз их фельдфебель в цветастом платке вылезал на подножку кабины, тревожно всматриваясь в контрастирующую с темным небом, даже ночью белеющую снежную даль. Проходивший мимо лейтенант в шинели и фуражке с высокой тульей, на которую прямо сверху был натянут шерстяной подшлемник, что-то проговорил фельдфебелю и махнул рукой вперед. По рядам пехоты прокатилась негромкая команда. Солдаты впереди медленно расступались в стороны. Их грузовик, следуя за трехосным «Мерседесом» с затянутой тентом кабиной, начал прибавлять ход. Сзади подтянулись остальные автомашины. Некоторые из них, заскользившие и утыкавшиеся в высокие снежные отвалы, облепляя со всех сторон, возвращала на накатанную колею дружно набегавшая пехота. Терцев снова переглянулся с майором. Прошло уже, наверное, больше четырех часов с момента начала движения. Кругом было чистое светлеющее поле и забитая вооруженным до зубов неприятелем дорога. Бежать пока некуда…

Они, разумеется, не могли знать обстановки, складывавшейся на всех участках прорыва. Неведомо им было, как дошедшие до реки гренадеры, прижатые

продольным огнем советской артиллерии и минометов со стороны стенок пробитых ими коридоров, метались в поисках переправ. Как напиравшие следом колонны, не имея возможности переправиться через неширокую, но предательски разлившуюся речку, бросали машины, орудия, обозы, технику. Как начавшие нести огромные потери немцы кидались в ледяную воду, переправляясь на другой берег вплавь, оставляя на этой стороне груды оружия и снятого обмундирования. Как несла река, прибивая к обледеневшей береговой корке, трупы убитых и умерших от переохлаждения. Как стонали, кричали, плакали и стрелялись брошенные на земле и в повозках раненые. Как где-то огрызались огнем и наводили переправы из подручных средств, бочек из-под горючего, досок и срубленных второпях прибрежных деревьев. И как на каких-то участках, сумев все-таки пробиться именно к подготовленным заранее и удерживавшимся переправам, выходили из котла под градом посылаемого со всех сторон свинца танки и бронетранспортеры с гренадерами на броне.

Их колонну принялись трепать уже перед самым рассветом. С темнеющего холмистого перелеска ярко блеснули огоньки сразу нескольких артиллерийских выстрелов.

«Сушки», наши!» – безошибочно определил работу советских самоходчиков Терцев, и внутри у него все радостно забилось.

Рядом вцепился капитану в ватник Ветлугин, возбужденно потряхивая за рукав. Он тоже моментально понял, что происходит и кто по ним стреляет. Остальные пленные в испуге пригнулись и распластались на дне кузова грузовика. Выскочил на ступеньку кабины фельдфебель, заозирался по сторонам. Быстро обернувшись, зыркнул на пленных позади себя и, не садясь обратно в кабину, забарабанил сверху по ее крыше, что-то отчаянно крича водителю. Их «Опель» дернулся и стал стремительно набирать ход, то и дело норовя сорваться в занос задними, отчаянно вращавшимися колесами. Повиснувший на дверце фельдфебель продолжал кричать, указывая в строну изгиба, за которым дорога ныряла под холм. Головной «Мерседес» уже значительно вырвался вперед в том же направлении. По полю, проваливаясь по колено в снежный наст, перемещались от дороги пехотинцы, пытавшиеся выстроиться в цепь под отчаянные свистки и хриплые крики командиров отделений.

Разрывы выпущенных по ним снарядов перелетами легли за дорогой, оставив на снегу большие пятна темной вывороченной земли. Края свежих воронок дымились. Сзади ревели моторы. Кто-то в хвосте колонны зачем-то нажал и

долго давил автомобильный клаксон, оглашавший поле протяжным, тоскливым воем. Терцев глянул на майора. Тот лежал с абсолютно спокойным видом, будто все происходящее его совершенно не касалось. И лишь только утвердительно прикрыл глаза на кивок Терцева, означавший, что вот теперь пришла пора действовать.

«Опель» на скорости залетел в низину. Ушедший вперед «Мерседес» весело разгорался синим пламенем – снаряд с советской самоходки догнал его уже за самым изгибом дороги. Терцев успел увидеть безжизненно повисшую фигуру немца, наполовину вывалившуюся из заднего борта. Голова убитого была перевязана грязным бинтом, выбившиеся из-под повязки длинные светлые волосы трепал ветер. Еще несколько фигурок разметало вокруг грузовика. Кто-то медленно уходил от разбитой машины прямо в поле, ни на что не обращая внимания – видимо, совершенно оглушенный и ошарашенный. Все это мелькнуло за пару секунд – их водитель резко ударил по тормозам так, что пленные кубарем покатились в кузове к задней стенке кабины. «Опель» развернуло поперек дороги. С размаху он протаранил снежный отвал на краю дороги и с гулким стуком наскочил на пень. Брызнули стекла разбитых фар, из-под капота повалили клубы густого пара – пробило радиатор. Поездка была закончена однозначно. Из распахнувшейся правой дверцы вывалился фельдфебель. Быстро оглянувшись по сторонам, заорал что-то в кабину приткнувшемуся грудью к баранке и судорожно сжимавшему ее обеими руками перепуганному водителю, так и замершему в этом положении. Раскиданные по кузову пленные медленно закопошились на своих местах. Терцев оценил обстановку: почти совсем рассвело. Сзади по полю в их сторону бежали немецкие пехотинцы. Но до них было еще метров сто. К тому же накатанную дорогу перекрывал остановившийся по непонятной причине третий грузовик, следовавший за ними, вполне себе с виду целый. Те из гренадеров, кто пытался обойти его по полю, сразу замедляли движения, по колено проваливаясь в снег. А на взгорке прямо над ними раздавались такие родные звуки дизельных моторов – не видимые пока за плотным кустарником, вне всякого сомнения, там маневрировали наши самоходки.

«Пора! – мелькнуло в голове у капитана. – Другого случая может и не быть. Иначе сейчас перестреляют всех на хрен. Не немцы, так свои».

С размаху он хлопнул открытой ладонью в плечо Ветлугина. Тот моментально ответил таким же жестом разведчику в маскхалате. Условный сигнал с быстротой молнии пошел гулять среди пленных по цепочке.

В кошачьем прыжке вылетел из кузова разведчик. Никто не успел и глазом моргнуть, как он уже оказался под ступенькой кабины над поваленным в снег фельдфебелем.

– За борт! – что было сил рявкнул во весь голос капитан. – К лесу!!!

Через секунду он тоже приземлился рядом с разведчиком. И в это же мгновение инстинктивно поморщился от громкого хруста – с отвратительным звуком разведчик отработанным коротким движением, моментально завернув фельдфебелю голову набок, сломал ему шейные позвонки.

– Ты-то как попался?! – несмотря на напряженность момента, сам собой вырвался восхищенный вопрос у Терцева.

– И на старуху бывает проруха, – хищно оскалившись, быстро отозвался солдат в маскхалате. Он явно был в своей стихии.

В мгновение ока расстегнув на поясе у безжизненно обмякшего фельдфебеля кобуру, разведчик вытащил пистолет. Одним слитным скользящим движением взвел оружие и, держа его в вытянутой руке, выстрелил в кабину прямо через плечо капитана. Немец-водитель уронил голову на баранку. Из дырки на виске у него потекла темная струйка крови – водитель так и не успел до конца сообразить, что происходит.

– Валим! – Сунув оружие за пазуху, разведчик бросился в кустарник. Терцев кинулся за ним. Краем глаза успел заметить, как разбегаются от грузовика в сторону перелеска остальные пленные.

– Брось! Отставить! – заорали сзади. – Сержант, это приказ! Брось!

Капитан оглянулся на крик. Перевалив через борт раненого майора, Ветлугин, проваливаясь и заметно отставая от всех, упрямо тащил его на закорках по снежному насту.

– Брось, я сказал! – кричал и отчаянно ругался артиллерист.

Почти добежавший до спасительного леса Терцев остановился и повернул обратно. Вдвоем с Ветлугиным они перехватили майора под руки, волоком уже быстрее потащили к кустам.

– Капитан, ну ты-то не будь дураком, – поднял голову майор. – Бросайте меня и бегите…

Вместо ответа они только покрепче перехватили раненого и все втроем двинулись дальше.

Только их и было видно на поле, когда сзади ударил пулемет. Упали в снег, через десять секунд попытались подняться – пулемет заработал снова. Стоя прямо на снежном насте через дорогу и чуть наискось от них, спокойно, как на учениях, сзади действовал немецкий пулеметный расчет. Установив сошки на плечи напарника, присевшего на одно колено, пулеметчик деловито бил в сторону кустарника, при этом короткими очередями прижимая к земле и их, не давая подняться. Валил дым от горевших грузовиков, перебежками, приближаясь, перемещались позади гренадеры, доносились обрывки команд. Левее впереди громко хрустнуло. С ревом повалив невысокое деревце, на поле в паре сотен метров от них выскочила неровно замазанная белой краской советская самоходка. Сбила с дороги остатки догоравшего «Мерседеса». Спряталась в дымном чаду. Через пару секунд из клубов дыма сверкнул проблеск орудийного выстрела. Немцы на поле и у дороги заметались в разные стороны.

– Ползком к лесу! – прохрипел майор, понявший, что спорить с упертыми танкистами бесполезно.

И пополз первым, отчаянно работая локтями. Минут пять, пока бой гремел сзади, они ползли – сопели, покрываясь потом, оставляя за собой в снегу борозды нелепых следов, тянущихся непрерывной, извилистой линией. Терцев уже видел, как в кустарнике копошится еще одна самоходка, видел ее борт и такую знакомую, как у «тридцатьчетверки», корму, когда снаряды начали рваться в перелеске. С другой его стороны послышался лязг гусениц, зазвучали длинные пулеметные очереди, скороговоркой ударили автоматы. Временами порывы ветра доносили отголоски отчаянных криков, обрывки брани на русском языке. Гулко бахали одиночные винтовочные выстрелы. Похоже, кого-то добивали. Капитан догадался – в лесу, который казался им спасительным, бежавшие пленные, по-видимому, нарвались на другую группу прорывавшихся немцев.

Причем располагавшую тяжелой техникой. И теперь там шла бойня…

Через минуту на поле, едва их не задавив, выскочила задним ходом вторая советская самоходка. И тут же получила снаряд в борт. Дернулась, задымила, разгораясь. Люки изнутри никто не откинул.

Терцев, лежа в снегу, обернулся в ту сторону, откуда был произведен выстрел. За маячившим вдалеке у дороги их разбитым «Опелем», на котором они ехали всего четверть часа назад, разглядел в клубах стелющегося по полю дыма силуэт «пантеры». Утер пот, перевел взгляд в другую сторону.

«Заметь, заметь его», – беззвучно шептал губами капитан советским самоходчикам в сторону чадного марева на месте раскатанного «Мерседеса». Из марева хлопнул выстрел. Мимо! Ясно, бьют наугад. Чувствуют, что противник рядом, определили направление, но не видят его наверняка. Маловато опыта у ребят…

Мыслями Терцев уже снова участвовал в очередном танковом поединке. Самоходка выстрелила еще раз и двинулась вперед.

«Стой! Куда!» – обожгло капитана изнутри. Выходить из дымовой завесы на приготовившегося к выстрелу противника было фатальной ошибкой. Терцев сжал кулаки в снегу так, будто отчаянно тянул на себя несуществующие рычаги.

Орудие «пантеры» молнией сверкнуло над полем. С отчаянием понимая, что промаха не будет, Терцев уронил голову в снег. Разгреб сухую корку наста, зачерпнул ладонью колкое серое крошево, растер им лицо. Подняв голову, с болью увидел замершую на дороге объятую пламенем первую «сушку»…

Приподнявшись на локте, капитан огляделся по сторонам. Ни Ветлугина, ни майора рядом не было.

«В снег так зарылись или отползли куда-то?» – недоуменно отметил про себя.

Сознание пульсировало где-то у виска вместе с гулко колотившимся сердцем. Дергаться сейчас куда-либо бессмысленно. Нужно отлежаться. Авось пройдут мимо и не заметят. Помешать немцам продолжать прорываться из окружения

дальше он все равно не может в своем положении. Равно как и помочь кому-нибудь из наших ребят…

Мимо не прошли. Терцев видел, как «пантера» двинулась дальше, сбрасывая с дороги на обочины разметанные по ней горящие остатки машин. Следом гуськом ползли бронетранспортеры. С них прямо на ходу выпустили несколько очередей куда-то в другую часть поля. От перелеска обратно на равнину выдвинулась цепь гренадеров. Ломая кустарник, наискось за их спинами прошла к изгибу дороги короткоствольная «четверка». Ветер постепенно относил гарь, обнажая место короткой схватки. Капитан не шевелился, но, видимо, его кто-то заприметил заранее. Сначала пнули ботинком в подошву сапога, а затем сразу выдернули из снежного наста, рывком поставив на ноги. Возможно, приняли за спасшегося члена экипажа подбитой самоходки. Ткнув в спину карабином, повели в сторону одного из остановившихся у обочины бронетранспортеров.

«Проклятье какое-то!» – только и успел подумать Терцев, увидав под кормой бронетранспортера сержанта Ветлугина в окружении вооруженных гренадеров. Рядом с сержантом испуганно жался к броне еще один старый знакомый – чумазый солдатик в шинели без хлястика. Так же пинками их загнали в гулкое железное чрево. Теперь капитан уже окончательно не мог понять, прорвались из котла немцы или еще нет. Или это вообще какие-то другие, с внешней стороны. Но в любом случае о попытке побега пленных этим было ничего не известно – не разобрались в суматохе. Иначе разговор бы вышел другой, и очень короткий. Что ж, придется все начинать сначала… Они переглянулись с Ветлугиным и строго посмотрели на чумазого солдатика. Тот молча вжался в стенку отсека. Гренадеры загрузились внутрь, набились рядом. Один положил на колени взведенный автомат. Приготовились к движению.

– Halt! – раздалось снаружи.

Через незакрытые дверцы десантного отделения бронетранспортера было видно, как на обочине возникла фигура огромного солдата в шинели с заткнутыми за пояс полами. Солдат подходил медленно, но твердой поступью. Поперек груди его наискось болтался на ремне маузеровский карабин. А через каждое плечо, словно большие вытянутые кули, были перекинуты два человеческих тела. Ветлугин узнал в пришедшем их первого конвоира с хутора, который размещал танкистов на чердаке. Глянул на положенную в снег у раскрытой дверцы фигуру. Неожиданно опознав в ней совершенно обессилевшего майора-артиллериста, который только мотал головой и что-то

мычал, вдвоем с Терцевым быстро затащили его внутрь, не дожидаясь реакции сидевших внутри машины немцев. Один из них обвел взглядом пленных, но ничего не возразил. Подошедший обменялся короткими фразами со своими товарищами, подал внутрь другого раненого. Им оказался тот самый маленький, худой и щупленький второй конвоир, водивший танкистов на допрос. Видимо, он был без сознания. Весь бок его перепачканной парки справа был обожжен и густо пропитан кровью. Солдат тяжело дышал, суконная пилотка была нахлобучена почти до самых закрытых глаз. Пока гренадеры, разворачиваясь и освобождая еще место, возились внутри металлического отсека, Ветлугин протянул руки и к раненому немцу. Деловито буркнул его здоровенному товарищу с нотками уважения:

– Давай сюда своего хорька.

Действительно, заострившееся лицо раненого под пилоткой как нельзя больше напоминало именно этого зверька. Слов не поняли, но вместе с Ветлугиным гренадеры быстро втянули внутрь второго немца. Набились все как сельди в бочку так, что практически сидели и лежали друг на друге. Дверцы остались раскрытыми нараспашку.

– Los! Los! – подали команду к движению.

Бронетранспортер, резко дернувшись, тронулся и пополз, раскачиваясь, по разбитой дороге. Майора Терцев, сам кое-как вжавшийся в угол, практически затащил на себя. Артиллерист был в полузабытьи и только мотал головой в такт движению. Раненого немца, вытянув, уложили на коленях у двух рядов сидящих внутри пехотинцев. Примостившийся посередине санитар, расстегнув кожаный медицинский подсумок на поясе, ножом распорол парку и мундир, несмотря на отчаянную тряску, ловко обрабатывал рану. Привалившийся к стенке солдат, пришедший последним, втиснул карабин между ног и расстегнул шинель. Только сейчас стало заметно, что она была прострелена на груди. От бурого развода вдоль ряда пуговиц валил пар. Санитар, посмотрев на солдата, что-то прокричал сквозь шум двигателя и лязг гусениц. Гренадер сделал отрицательный жест рукой и достал из-под полы мундира индивидуальный пакет. Бинтоваться ему помог товарищ рядом.

«Вот ведь здоровенный черт!» – искоса глянув на немца, мысленно проговорил Ветлугин и второй раз поймал себя на мысли, что испытывает уважение к противнику. Пожалуй, было за что.

Больше боестолкновений не было. Уже совсем засветло, туманным февральским утром, по наведенной понтонной переправе колонна перебралась через речку. В этом месте оба ее берега удерживались деблокирующими германскими подразделениями. Бронетранспортеры съехали на обочину, остановились и заглушили двигатели. Пленных вытолкнули наружу. Ветлугин и чумазый солдатик волокли майора, закинув себе на плечи его руки. Терцев огляделся по сторонам. Везде было полно вооруженных немцев. На этом участке прорыв им удался вполне, неприятель здесь вывел не только личный состав, но и тяжелую технику. Загружали в подошедшие грузовики раненых. Стояло несколько танков с наведенными на другой берег, откуда они только что вышли, стволами пушек. Рядом с приземистой «тройкой» у берега капитан увидел огромную «пантеру». Она была развернута в направлении движения их колонны. Ветлугин покосился на две кошачьи лапы с когтями, нарисованные на борту. Переглянулись с капитаном – сомнений, кто расправился с нашими «сушками», не было. Тот самый гауптман, что допрашивал их на хуторе, разговаривал с другим офицером-танкистом, видимо, из деблокирующей группировки. Гауптман размазал копоть по лицу и махнул рукой в сторону другого берега.

– Arsch[4 - Задница… (нем.)]… – донесся до них обрывок разговора.

Второй танкист с сочувствующим видом протянул коллеге откупоренную флягу. Гауптман благодарственно кивнул и сделал большой глоток. На пленных оба не обратили ни малейшего внимания.

– Привязался же к нам… – негромко обронил Ветлугин в адрес гауптмана, когда их проводили мимо.

Терцева и трех его спутников втолкнули в небольшую группу военнопленных, зябко жавшихся у обочины.

5

А потом был лагерь. Сначала пересыльный. До него они добирались большую часть пути пешком двое суток сквозь снежную пелену. Правда, сразу после прорыва немецкой группировки из окружения всех советских пленных сначала

пригнали на разбитую узловую станцию железной дороги. Отделили раненых, в том числе и майора-артиллериста, которому по очереди, сменяя друг друга, подставляли свои плечи на марше до станции Терцев, Ветлугин и солдатик в шинели без хлястика. Больше майора они никогда не видели. Здоровых загнали в несколько платформ с высокими бортами. Крыши над головой не было. Сверху падал мокрый снег, во все щели задувал ледяной ветер. Как успел заметить Ветлугин, платформы прицепили отчего-то к санитарному поезду, разделив немецких раненых и советских пленных теплушкой с пулеметом на крыше. Меняясь каждые полчаса, прямо через проделанный в крыше люк из теплушки на крышу лазили дежурить у пулемета солдаты охраны. Паровоз, быстро набирая ход, пошел прямиком на запад. Стиснув зубы и прислонившись лбом к выпуклому железу стенки платформы, Терцев от досады сжал кулаки – их спешно увозили прочь от линии фронта в неприятельский тыл. Ночью ударил сильный мороз. Пленные простояли в платформах до утра, прижимаясь друг к другу, в такт движению эшелона обмениваясь слабыми толчками локтями и плечами, чтобы хоть как-то согреться. Утром остановились на маленьком разъезде. Отцепили от санитарного поезда платформы с пленными и теплушку с охраной. Поезд пошел дальше, а их сгрузили прямо в снег. Несколько человек за ночь замерзли насмерть. Остальных погнали бегом по дороге. Терцев оглянулся – подошедший другой паровоз зацепил теплушку с бортовыми платформами и потащил их обратно на восток. Видимо, за новой партией пленных. Следующие полтора суток их путь состоял из чередовавшихся команд двигаться то шагом, то бегом. Лишь ночью на несколько часов пленных заперли в большом сарае. Наутро снова кое-кто не поднялся. Остальных построили, пересчитали и опять погнали по дороге в западном направлении.

В пересыльном лагере застряли надолго. Терцев с Ветлугиным прикинули – до фронта отсюда было километров сто. Конечно, мысли о побеге не оставляли их ни на один день. Но два ряда колючей проволоки и пулеметные вышки по четырем углам периметра пока что не давали даже теоретического шанса на его осуществление. За периметр их не выводили. То ли хваленая немецкая система лагерей начинала давать сбои во второй половине войны, то ли последние события на относительно недалеко фронте наложили свой отпечаток. Так или иначе, можно было сказать, что эта партия пленных оказалась в каком-то заброшенном состоянии. Прежде всего, не отделили от общей солдатской массы командиров. Это была, наверное, самая большая странность, сразу бросавшаяся в глаза. Командиров было немного, но тем не менее они имелись. Терцев, размышляя об их положении в том лагере, не мог ни тогда, ни потом дать однозначный ответ, хорошо это было или плохо. Если вообще, конечно, категории хорошего и плохого можно было отнести к их тогдашнему лагерному

существованию. С одной стороны, их пока не расстреляли, не перевели на какую-нибудь фабрику смерти с конвейерным производством. Даже не выводили ни на какие работы. Лишь только утром и вечером устраивали переклички. Держали несколько сотен человек в двух гнилых полуразрушенных холодных бараках. Кормили через день, а то и через два. Происходило это следующим образом: под охраной нескольких солдат в лагерь въезжала телега с бочкой. Пулеметы с вышек демонстративно наводили в центр внутреннего лагерного круга. В бочку, видимо, были слиты отходы с местных кухонь. Иногда это были просто остатки пустого супа. Чаще – вперемешку с картофельными и овощными очистками и слипшимися кусками макарон. Иногда попадались шматки каши, а то и вываренные кости. Бочка опрокидывалась прямо посередине лагеря. Выбранные из числа самих же пленных «дежурные по кухне» первым делом касками и имевшимися в небольшом количестве котелками набирали жижу из грязи и растопленного снега. Остальное месиво сгребалось в отдельную кучку. Выстроившиеся в очередь пленные – результат их внутренней самоорганизации – по очереди подходили за парой глотков жижи и получали в ладони свою порцию месива. Телега сразу же уезжала, немцы в процесс такой кормежки не вмешивались.

Ветлугин поначалу пытался шутить про трехразовое питание – телега в среднем заезжала раза три на неделе. Потом совсем осунулся и умолк. Берегли силы по совету капитана. Хорошо хоть можно было выползать иногда по очереди погреться снаружи у черных, прогнивших стен. Мартовское солнышко так хорошо пригревало. В такие минуты снаружи бараков было намного теплее, чем внутри, где царили вечные промозглость, вонь и грязь от гнилой соломы вперемешку с человеческими испражнениями. С другой стороны, все это напоминало ожидание того, чтобы пленные передохли сами. Зная немцев, это как минимум было не логично. В бараках среди пленных самой распространенной была версия, что немцам действительно просто сейчас не до них. Что ж, это и впрямь очень походило на правду…

Так прошло почти два месяца. За это время из относительно небольшого по численности состава пленных в лагере умерло около трети. Остальные, изможденные, грязные, одетые в завшивленные лохмотья, едва волочили ноги. Наконец, в апреле их – оставшихся в живых – все-таки подвергли регистрации. Допросили, на каждого завели карточку. Но почему-то нескольких выявленных командиров пока так и не перевели в специальные места содержания – офлаги. А в первых числах мая по уже просохшим дорогам погнали дальше, в северо-западном направлении. До начала лета проработали на лесоповале: заготовляли деревья для оборудования запасной линии обороны в немецком тылу. Противник

ожидал с началом летней кампании очередного крупномасштабного наступления Красной армии на советско-германском фронте и усиленно готовился к его отражению.

– У самих наступать уже кишка тонка, – тихонько заметил Ветлугин, когда они хлебали баланду из мятого котелка самодельными деревянными ложками в перерыве между работами.

Вкалывали от зари до зари, по двенадцать-четырнадцать часов в сутки. Уставали смертельно. Зато значительно улучшилось питание. Выдавали хлеб, брюкву, картошку. Иногда в баланде даже попадались тонкие волокнистые прожилки мяса. В дополнение к этому теплое время года объективно помогало выживанию. Снова начали обдумывать возможности побега. Глухие темные леса в округе притягивали взоры пленных как магнит. Но усиленная охрана, патрули с собаками на всех дорогах и тропинках пока все так же не оставляли шансов на побег.

В середине июня внезапно прямо после завершения очередных заготовительных работ в лесу их не вернули на огороженное колючей проволокой поле, где пленные ютились в норах-землянках, вырытых своими собственными руками. Погнали куда-то по дороге дальше. Ветлугин все озирался на поле, где они прожили почти полтора месяца.

– Чего случилось? – негромко окликнул его шедший сзади в колонне Терцев.

– Да хлеб у нас там припрятан был, – с отчаянием проговорил сержант. – Под лежаком в соломе заначил…

Шагавший рядом солдатик в шинели без хлястика, услышав про хлеб, беспокойно завертел головой по сторонам.

– Идите смирно! – бросил им капитан, все так же мерно двигавшийся в своем ряду. – Теперь уже ничего не поделаешь…

– Эх, Ветлуга! – бессильно сжал худые кулаки солдат.

– Сам знаю! – зло огрызнулся сержант.

Они так и держались втроем еще с самого февраля 1944-го. Солдатик в шинели был из той самой партии военнопленных, которую немцы выводили из котла. Точнее, держались вместе Терцев с Ветлугиным, а солдатик везде к ним испуганно жался. Поначалу они не обращали на него особенного внимания.

– Тебя как зовут? – через некоторое время наконец все-таки спросил его Ветлугин.

– Цапа, – шмыгнув носом, проговорил солдатик.

– Как-как?

– Ну, Цаплин Васька, – пояснил боец. – Цапа…

На коротком привале, улучив момент, Ветлугин подошел к Цаплину и сгреб его в кулак за шинель на груди. Проговорил тихонько на ухо:

– Вякнешь где про побег – придушу.

– Да я не в жизнь!.. – испуганно заморгал глазами Васька.

– Ну смотри…

Цаплин тогда бежать в лес от разбитого «Опеля» попросту испугался. Как оказалось, это спасло ему жизнь. Присел за бортом грузовика, да так и сидел, пока его за шиворот не вытащили проходившие мимо другие немцы и не притащили к бронетранспортеру. Туда же пригнали и взятых на поле Терцева, Ветлугина и раненого майора-артиллериста. Остальные пленные, по-видимому, погибли в том лесу, который казался спасительным…

На вид Цаплин был совсем мальчишка. Так и оказалось впоследствии – Цапе едва исполнилось восемнадцать. Мобилизовали его с недавно освобожденной территории. Определили в минометную часть. Не провоевав и недели, Васька угодил в плен.

– Плиту от миномета на себе таскал, – рассказывал им потом Цапа. – Ох, тяжеленная! На марше нас и застукали. Как начали долбить из орудий – я в

канаву. Плитой накрылся. Она меня от осколков спасла – остальных насмерть посекло.

Терцев с Ветлугиным слушали, поглядывая на тщедушную фигурку рассказчика.

– Как стихло, из-под плиты нос высунул, а на дороге немцы стоят. Ходи сюда! Вот и вся моя война!

Цапа договорил и, шмыгнув носом, утерся рукавом шинели. Ветлугин украдкой протянул ему кусочек хлеба.

– Спасибо! – тут же запихнув его целиком в рот, поблагодарил солдат.

Удивительно, что Цапа оказался в числе тех, кто выжил в пересыльном лагере. А потом еще и справлялся с нормами на лесозаготовках.

– Жилистый ты, – оглядывая его худенькую фигурку, замечал Терцев, стараясь приободрить. Все они были истощены, но Васька даже на их фоне выглядел скелетом. Казалось загадкой, в чем у него душа держится.

– Ага, жилистый, – шмыгая носом, соглашался Цаплин. И поворачивался к сержанту: – Ветлуга, есть чего пожрать?

Сейчас они оба досадовали за промашку с хлебом. Проносить в лагерь еду было запрещено – могли обыскать. Если найдут продукты – расстрел на месте. Рискуя, они делали все-таки некоторые «сбережения», как выражался Ветлугин. Но каждый день их с собой через охрану не носили. Никто не предполагал, что их сдернут из лагеря так неожиданно. Теперь все накопленное пропало.

– Ладно, сами живы, – успокоил огорченных товарищей Терцев. – Шагаем дальше…

И они шагали. Затем долго ехали по железной дороге на запад. Привезли их в район польского города Сувалки. В его окрестностях располагалась целая сеть шталагов – постоянно действующих стационарных лагерей. Многие из них были созданы немцами еще в самом начале Второй мировой войны. Число пленных из воевавших против Германии стран и просто неугодных гитлеровскому режиму

лиц, нашедших свой конец в этих местах, вряд ли когда-нибудь будет учтено полностью…

Они стояли в колонне вновь прибывших. Терцев угрюмо рассматривал бараки в глубине территории. Добротные вышки, два ряда колючей проволоки, керамические изоляторы на массивных бревенчатых столбах – через периметр был пропущен электрический ток. Мелькнуло сожаление, что не попытали еще раз счастья бежать раньше. Теперь из такого места побег представлялся совсем маловероятным.

– Глядите, – тихонько проговорил Цапа и, как ребенок, испуганно взял Терцева за локоть.

Из-за колючки на них равнодушно смотрели живые скелеты в полосатых робах. На робах были нашиты прямоугольники с двумя большими буквами «SU», означавшими Sowjet Union – аббревиатуру, присвоенную советским военнопленным. Везде, насколько хватало глаз, у бараков и в проходах между ними копошились эти полосатые фигуры. От них веяло смертельной тоской и безнадежностью.

Терцев сам едва не поддался этим же чувствам, как вдруг сзади раздался дружный топот множества ног. Оглянувшись, они увидели как по соседней дороге с другой стороны к воротам лагеря подводили группу советских моряков, человек тридцать. Замелькали разорванные форменки, перепачканные глиной брюки, обожженные бушлаты и, конечно, полосатые тельняшки со всех сторон. Многие были ранены и наспех перевязаны, абсолютно все в синяках, порезах и ссадинах – следах рукопашной схватки. Но шли не понуро, а на удивление бодро, даже с вызовом. Моряков конвоировал со всех четырех сторон удвоенный караул эсэсовцев с овчарками. Выбрав разрыв между конвоирами, кто-то негромко окликнул поравнявшегося с ними на развилке мускулистого парня с голым торсом, крест-накрест перевязанного грязными бинтами с запекшимися бурыми разводами крови на них:

– Откуда, ребята?

– Днестровский десант, – не поворачивая головы, негромко, но четко ответил моряк.

– Немного не срослось с высадкой, браток, – так же глядя в другую сторону, добавил шедший следом морпех.

Конвой, однако, услышал разговоры. Раздались угрожающие гортанные выкрики.

– Заткнись, сука, не с тобой разговаривают! – прозвучал из флотских рядов чей-то громкий голос.

К пленным тут же подбежали эсэсовцы. На обе колонны без разбора обрушились удары резиновых дубинок. Надрывно залаяли собаки. Пришла в движение охрана на вышках за пулеметами. Колонну, в которой были танкисты, оттеснили от ворот подальше на обочину. А моряков продолжили лупить палками и дубинками со всех сторон, загоняя через лагерные ворота в глубь огороженной территории. Ветлугин разглядел, как эсэсовцы попытались выдернуть кого-то из строя моряков. В ответ бушлаты и тельняшки сомкнулись сплошной массой. Никаких слов больше сказано не было, но над лагерем прошелся такой низкий угрожающий рык, что конвоирующие моряков эсэсовцы отступили, оттягивая назад собак. Да те и сами, заливаясь отчаянным лаем, казалось, не особенно стремились рваться дальше вперед. Нанеся беспорядочно еще несколько дежурных ударов дубинками, моряков в полном составе прогнали за ближайший барак.

Терцев быстро оглянулся. Успел заметить, как у многих рядом заблестели глаза. Перевел взгляд за колючую проволоку – полосатые робы безучастно копошились с прежним равнодушием. И капитан понял, что у них всех осталось очень мало времени…

6

Они пробыли в этом лагере несколько дней. Половину из их партии уже переодели в полосатые робы. При выдаче лагерной одежды делали какие-то пометки – видимо, в личных карточках. Сегодня должна была дойти очередь до них.

– Сгнием мы здесь, – безнадежно проговорил Цапа и по привычке утер нос замызганным рукавом шинели.

Ветлугин угрюмо молчал. Капитан с хмурым видом играл желваками. Пленных выгнали на построение перед бараками. На плацу валялся ворох полосатой одежды и громоздилась куча деревянных башмаков. Видимо, оставшееся от умерших и убитых и теперь подлежащее повторному употреблению.

– Практичный народец, – буркнул про немцев Ветлугин, бросив быстрый взгляд на кучу тряпья.

Розовощекий немец в больших очках с роговой оправой раскрыл папку. Рядом на вынесенном во двор столике лежали карточки и еще какие-то бумаги. Двор окружала охрана с автоматами наперевес. По всему было видать, что лагерное делопроизводство давно и качественно поставлено на поток. В это утро, однако, от комендантского домика подошло несколько военных в общевойсковой форме. Терцев разглядел на мундирах красные выпушки. Насколько он разбирался в униформе противника, это были артиллеристы. Удивился – интересно, что понадобилось в лагере им? Артиллеристы обменялись несколькими фразами с розовощеким. До слуха капитана донесся обрывок фразы:

– Ja, wir brauchen Panzersoldaten…[5 - Да, нам нужны танкисты… (нем.)]

Началось переодевание в лагерную одежду. Артиллеристы, однако, остались. Пленные по очереди подходили к столу. Очкарик делал пометку в карточке, охрана подталкивала подошедшего дальше к куче тряпья. У каждого было ровно десять секунд, чтобы ухватить себе башмаки, полосатую робу и такие же штаны. Еще полминуты отводилось на переодевание. Рядом росла куча сброшенного советского обмундирования, в большинстве своем почти у всех тоже обветшалого и разваливавшегося на части. Когда к столу подошел Ветлугин, его неожиданно оттолкнули в сторону. Сержант бросил беспокойный взгляд на Терцева и тут же опустил глаза. Через пару минут точно так же в другую сторону от стола оттолкнули самого капитана. А следом за ним и Цаплина. Остальных пленных из их партии переодели в робы и бегом погнали в барак. Тяжко застучали по утоптанному песку плаца деревянные башмаки.

– Panzersoldaten? [6 - Танкисты? (нем.)] – деловито осведомился у лагерного очкарика (так еще вчера успел окрестить розовощекого Ветлугин) один из

военных, заглядывая в карточки.

Очкарик кивнул утвердительно и подал на подпись какие-то бумаги. Полминуты старательно скрипели авторучки. Затем подписавший бумаги артиллерист поднял глаза, оглядел пленных и снова обратился к розовощекому:

– Nicht mehr? [7 - Больше нет? (нем.)]

– Die anderen brannten in den Panzern[8 - Остальные сгорели в танках (нем.).], — осклабился очкарик, обнажая ряд золотых зубов.

В ответ весело заржали немецкие артиллеристы, довольные шуткой. Терцева, Ветлугина и Цаплина повели в сторону лагерных ворот. Где-то за их спинами, распрощавшись с очкариком, неспешно шагали следом артиллеристы. Искоса глянув на двигавшегося чуть в отдалении лениво зевавшего конвоира, Ветлугин шепотом быстро спросил Ваську:

– Ты что, танкистом назвался?

– Ну да, – как о само собой разумеющемся отозвался Цапа и привел весомейший, на свой взгляд, аргумент: – Мы же вместе.

– Святая простота, – отвел глаза в сторону сержант.

– Тихо, ребята! – оборвал их Терцев.

Он, конечно, не мог знать, что и зачем сейчас происходило. Но нюхом почуял, что в их судьбе только что произошел неожиданный и, возможно, отнюдь не безнадежный поворот…

Их погрузили в тентованный грузовик. Сзади в кузов забралась охрана. Терцев отметил, что это были уже не эсэсовцы, а обычные солдаты вермахта. Артиллерийские офицеры уселись в легковушку. Поднимая пыль, обогнали грузовик и с ходу рванули вперед. Грузовик неспешно двинулся следом.

Один из немцев в кузове жестами приказал пленным сдвинуться подальше к кабине. Те исполнили приказание. Немец морщил нос, указывая на пленных, и

что-то недовольно говорил своему товарищу. Тот поглядел в их сторону и согласно кивнул.

– Не нравится, что воняет от нас, – шепнул Терцеву сержант.

– Да уж, выглядим как последние бичи, – тихонько проговорил Терцев, проводя ладонями по обритой голове.

Нормально они не мылись уже полгода. Хорошо хоть на прежнем месте пленных остригли ручной машинкой. В кармане капитан прятал осколок зеленого бутылочного стекла, найденного на дороге. Им они регулярно скоблили щетину на щеках. Про то, чтобы постирать одежду, не приходилось и говорить…

Ехали долго. Терцев по дороге прикидывал направления, повороты и скорость движения, пытаясь сообразить, куда их перемещают по отношению к Сувалкам. По его расчетам выходило, что ехали они сначала на юг, потом резко повернули на запад. Как удалось разглядеть сквозь щели в тенте, один довольно большой город проехали, не останавливаясь в нем. От бывших предвоенных границ в этих местах между Польшей и Германией сейчас не осталось и следов. Уже во второй половине дня грузовик притормозил на окраине какого-то населенного пункта. Конвоиры выпрыгнули за борт. Жестами приказали пленным следовать за ними. Когда те выбрались на землю, указали им место у глухого дощатого забора. Танкисты опустились на траву с краю пыльной обочины. Подъехала легковушка. Показывая на наручные часы, что-то сказал своим солдатам артиллерийский офицер сквозь опущенное стекло. Легковушка укатила, а солдаты, достав свои пайки, устроились обедать около грузовика. Приглядывая за пленными, свесив ноги в канаву, на обочине уселся невдалеке солдат с автоматом…

– Пожрать не дадут? – с надеждой тихо спросил Цапа.

Ветлугин посмотрел на жующих вдалеке немцев, сглотнул слюну и молча отвернулся в другую сторону.

– Интересно, куда нас везут? – не успокаивался Васька, теперь уже глядя на Терцева.

Капитан пока что только пожал плечами. Они огляделись по сторонам. Чистая, ухоженная улица с высокими деревянными заборами поднималась вверх и

скрывалась за поворотом. Пригревало июльское солнышко. Терцев прислонился к забору и прикрыл глаза…

– Пани, пани! – вернул его из дремоты голос Ветлугина.

Капитан открыл глаза. Напротив них через дорогу стояла девушка в цветном платье и босоножках, надетых на белые носочки. Это было так неожиданно и удивительно, что Терцеву в первый момент показалось, будто он еще спит. Капитан тряхнул головой и протер глаза. Девушка, однако, никуда не исчезла. В руках у нее была плетеная корзинка, из которой торчали закупоренные свернутыми газетами горлышки стеклянных бутылок с молоком.

– Пани, млеко, – просительно проговорил Ветлугин.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Ульрих, где Руди? (нем.)

2

Возится с машиной, господин гауптман (нем.).

3

Продолжай, Руди (нем.).

4

Задница… (нем.)

5

Да, нам нужны танкисты… (нем.)

6

Танкисты? (нем.)

7

Больше нет? (нем.)

8

Остальные сгорели в танках (нем.).

Купить: https://tellnovel.com/lysev_aleksandr/t-34-vyhod-s-boem

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити